

АНТОН КАРЕЛИН

Легенды Лиса

Антон Карелин
Легенды Лиса

«Автор»

2023

Карелин А.

Легенды Лиса / А. Карелин — «Автор», 2023

Это сборник с осколками разных миров: фэнтези, космофантастика, реализм – здесь можно встретить что угодно. Написанные в разные годы, на разные темы, эти рассказы и повести объединяет Лис, который скачет по мирам и эпохам, везде собирает звёзды и складывает их в книгу. Warning: не все из произведений рассказывают всю историю персонажей от и до – на то они и осколки миров! Но каждая конкретная история закончена и все они интересные :)

© Карелин А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Ученик Короля ворон	5
Прощание с Авалоном	25
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Антон Карелин

Легенды Лиса

Осколки разных миров, которые Лис собрал в одну книгу. Грустные и смешные, детские и взрослые, они пробуждают воображение, и в этом их главная цель.

Ученик Короля ворон

Повесть про день из жизни мальчика – ученика жестокого и капризного Бога.

Жанр: эпическое фэнтези

Мир: Раненый мир

Огненный зал утопал в безмолвии и темноте. Волны пламени, целые полотнища огня, когда-то бушевавшего здесь, были пойманы в магическую ловушку – да так и застыли, взметнувшись к небу, став стенами и куполом зала. Замерший огонь не горел, не светился красным, а был прозрачен, как хрусталь. Только когда солнечный свет пронизывал стены, пойманное в плен пламя будто оживало, разгоралось морем алых и рыжих всполохов, бросая отсветы на черный мраморный пол. А ночью, когда восходили Луны, и их свет пульсировал в стенах и потолке, огонь казался то бледно-синим, то зеленоватым, слабо мерцал, как северное сияние.

Когда же мир вокруг замка тускнел – например, в сумрачный грозовой день или после заката, пока Луны еще как следует не проступили на небе – то очертания зала терялись в прозрачной пустоте. Казалось, что стоишь на вершине высокой горы, а вокруг вздымаются еще более величественные горы, покрытые густым сосновым лесом. Сейчас здесь почти воцарилась ночь, тучи укутали небо, не пропуская свет Лун или звезд. Поэтому огненным залом владела мгла – и сквозь прозрачные стены бесцветного огня виднелись огромные мрачные склоны.

Резкий белый росчерк нарушил темноту и тишину; белые отсветы отразились в прозрачных стенах и угасли. Это был переход, но не порталный, а сквозной, судорожный и быстрый. Прыжок из одной точки мира в другую, поспешный, испуганный, сделанный неправильно. И потому очень опасный. Одно неверное движение, один спазм изломанной арки – и проходящего сквозь нее разорвет на части. Из трещины в пространстве выкатилась девочка в лохмотьях, ее плечи дымились, волосы были обожжены, на разодранной одежде краснели тлеющие лоскуты. Излом тут же сомкнулся, срезав крупную прядь ее волос – мгновение раньше, и...

Девочка мучительно застонала, в ее голосе было столько отчаяния, что если бы кто-то мог услышать, то против воли бросился бы ей на помощь. Даже не зная, что с ней и как ей помочь.

Одиннадцать лет, худая, сильные плечи выдаются над напряженно согнутой спиной. Она всем весом навалилась на нечто маленькое, стиснув обеими руками, прижимая к полу, пыталась не дать ему освободиться и сбежать. Из-под стиснутых на черном мраморе ладоней вырвался яростный свет, девочка вскрикнула от боли, но держала, хотя в ее руках явно бушевал сгусток огня! Он просвечивал сквозь худенькие пальцы, жег их, девочка скулила от боли, но не сдавалась.

– Воды, – протяжно звала она, – воды!

– Вода тебе не поможет, Клара, – раздался приветливый, мелодичный голос. – Водой не потушить звезду.

Король Ворон возник из ниоткуда, шагнул из едва заметных отсветов и теней, и возвышался над жмущейся к полу, с любопытством разглядывая ее. Девочка всхлипнула, из последних сил пытаясь удержать огненный осколок, который злобно бился в обожженных руках.

– Ты зря вернулась в замок, – терпеливо, рассудительно покачал головой Левран.

Сегодня волосы смеющегося бога были белыми, как снег, ниспадая на правое плечо рассыпью небрежных, заостренных локонов-нитей. Лицо пересекала золотая цепочка с затейливым витиеватым узором, на лбу мерцал голубой опал в изящной резной окантовке, украшенной жемчугом. Маска в виде головы ворона с застывшими, мертвыми глазами была сдвинута налево; вороний плащ из черных перьев стекал по плечам к полу, сливаясь с мрамором, словно растворяясь в нем.

Как и в любом своем облике, Король Ворон был пугающе красив; несчастный, увидевший его впервые, терял дар речи от осознания, что встретил настолько совершенную красоту. Что после встречи с ним уже ничего не будет как прежде. Клара не раз видела Короля прежде, но даже сейчас, в переломный момент безжалостного боя, у нее перехватило дыхание от его голоса и взгляда.

– Я говорил, дикие звезды сюда приносить нельзя. Они нестабильны, чувствуют места силы и могут прорваться в одно из них – тогда... Нельзя, ты же знала. Нельзя.

Клара знала.

– Пожалуйста! – взмолилась она. – Пожалуйста, учитель!

Залитое слезами лицо запрокинулось, расширенные глаза смотрели на него снизу-вверх, но на дне зрачков, полных мольбы, темнела безнадежность. Клара понимала, что безжалостный бог не поможет ей.

Всё в девочке дрожало, ей трижды казалось, что больше не стерпеть, сейчас она выпустит звезду и навлечет беду на себя, остальных, на весь замок. Ей не простят этого, Король не дает вторых шансов, сейчас она проиграет, нарушит приказ – еще чуть-чуть, и все будет кончено, она не может!.. Но и за третьей чертой отыскалось, наскреблось еще немножко воли и сил. Ужас перед гневом Короля Ворон опять пересилил слабость и боль.

«Сдайся, пожалуйста, сдайся», шептали пересохшие губы, «смирись, остановись, перестань...»

Магия Клары была сильна. Но не настолько, чтобы одним лишь заклятием усмирить нечто настолько могущественное, как осколок неба. Однако ритм ее шепота и натянутая струна души бередили своевольную вещь. Жажда, осмысленность и воля к жизни девочки смиряли потоки безумия внутри звезды.

«Поддайся моей воле, проклятая», всхлипнула Клара, «Как же я ненавижу тебя. Приграй!»

Осколок завыл, вырвался из-под сомкнутых рук и взлетел вверх, рассыпая огненные искры, которые дробились и множились в прозрачных стенах. Тело девочки моментально изогнулось, она прыгнула вслед, словно пружина, в прыжке обратилась в хищную светлую рысь с бурными подпалинами на шкуре – и с мешаниной уродливых выжженных полос на животе и боках.

Рысь каталась по полу, остервенело рыча, но и в зверином облике не могла удержать палящую звезду, передние лапы лесной кошки были страшно обожжены, теперь ревущий огнем осколок сжигал задние. Рычание зверя сменилось скулящим, молящим визгом; звезда загудела, сильно вбирая воздух; а стены из застывшего огня едва слышно зазвенели в ответ, словно и правда хрустальные. Палящий осколок взорвался силой и светом, ослепил рысь и отбросил ее в сторону. Скакнул вперед, сбегая от Клары – и разразился нервным, безумным и дисгармоничным перезвоном, заметался по залу, забился о стены огня. Но они были куда крепче, чем казались.

Рысь бросилась за звездой, прыжок, другой, схватила в полете, приземлилась уже ребенком, прижав сгусток огня к груди. В глазах девочки, на ее залитом слезами и потом лице отразилось полное отчаяние. Она не могла удержать осколок, ей не удалось смирить его. Стены замка не придали Кларе сил, как она надеялась, совершая самый рискованный переход в своей жизни. Учитель не пришел к ней на помощь. Девочка не знала, что еще можно сделать.

– Если не можешь победить, – сказал безумный бог, поморщившись, – то хотя бы не проиграй. Не подведи своих братьев и сестер, Клара.

Левран поглаживал ворону, которая высунулась из плаща. То ли бесцеремонные твари были его частью, то ли прятались в гуще черных перьев, но вслед за первой вороньей головой оттуда вынырнули еще несколько. Их насмешливые глаза следили за смертной битвой осколка и ловца.

– Кар! – сказала одна из ворон. Другие хрипло засмеялись, соглашаясь с ней:

– Кар... Кар!.. Кар...

Клара уже не стонала, а прерывисто всхлипывала при каждом вдохе. Звезда бешено рвалась из мертвеющих рук. Но даже теперь, обожженная, истерзанная и израненная, девочка не могла отпустить ее и проиграть. Страх не оправдать ожидания Короля был сильнее.

Нечто новое проступило на ее лице. Растерянное, обреченное смирение. Смертельная усталость. И тогда Клара проглотила звезду. Та полыхающей огненной искрой прошла по ее горлу, озарив его изнутри, пульсирующе вспыхнула в груди, высветив ребра – и канула внутрь.

– О, – сказал Левран, глядя на девочку неотрывно. Рука его, с красивыми, хищными когтями, оставила ворона и потянулась в сторону ученицы.

А Клара упала на пол, скрючилась, хрипя и царапая солнечное сплетение, где разгорался огонь. Она проиграла. Ей не усмирить звезду, и оставалось только перенести последнее испытание. Вытерпеть все до конца, испить полную чашу, а после станет не больно и не страшно. Может, она уничтожит звезду, переполнит ее своей кровью и мукой, и осколок погаснет, раскрошится в пыль – тогда Клара спасет замок, братьев и сестер. Ведь если не спасет, то и смерть не станет ей избавлением, Король Ворон отыщет ее и в царстве мертвых, и на самом краю миров.

Левран смотрел, как она корчится, и легкая улыбка озарила совершенное лицо. Он видел каждый обрывок мысли в ее голове, каждый разряд боли и каждый всполох рвущихся чувств. Девочка не ненавидела его. Ведь дети всего лишь люди, а он часть Мира, выше их желаний и надежд. Нищенка из трущоб знала: людской удел – жизнь, полная испытаний, а удел мира – обрушивать их на людей. Клара помнила грязное и убогое детство, из которого смеющийся бог забрал ее; понимала, что, если бы не его милость, она умерла бы уже давно. Знала, что принадлежит ему вся без остатка.

Но даже понимая это, она еще ждала чуда, еще надеялась, что Король Ворон нарушит правила. Ради нее. Глаза умоляли о помощи, детское сердце не могло поверить, что она, Клара, прервется так просто...

Левран внимательно смотрел на затихающую девочку, но вдруг отвлекся от нее и повернулся назад.

В воздухе высветился рваный белый узор, пространство расслоилось, как раскрываются лепестки цветка. Неровные линии сомкнулись в фигурный проход – в окантовке белых росчерков возник лис. Словно картина, повисшая в облегающей узорной раме. Он выверенным движением спрыгнул на пол, оставив пустой лисий контур смыкаться и таять за спиной. Рыжая тень скользнула к Леврану, глянула снизу-вверх, глаза осторожно блеснули в полумраке.

Лис был явно измучен, встопорщенные бока вздымало тихое, осторожное дыхание – он старался не бередить сломанные ребра на правой стороне. Передняя лапа подгибалась, узкий вытянутый нос пересекли две тонких ссадины, а царапина пострашнее прошла от лба через глаз, но недостаточно глубоко, чтобы повредить его.

Моргнув, зверь настороженно замер. Он не видел умирающую Клару, но услышал и почуял близкую смерть. Усталая расслабленность его позы сменилась молниеносной собранностью: лис скакнул вперед, пролетел сквозь капризного бога – уйдя в сумрак на долю секунды, ровно так, чтобы провалиться из материального мира перед Королем и вынырнуть у него за спиной – и мягко приземлился рядом с девочкой. Глаза, блестящие и темные, как два колодца с искрами в глубине, заглянули в ее угасающие зрачки. Взгляд лиса метнулся к сомкнутым обожженным рукам Клары, из-под которых спазматически мерцала, захлебываясь в крови, дикая звезда.

Секунда тишины и осознания; ее гаснущий взгляд отразился в его заполненных ужасом глазах, и лис встряхнулся всем телом, превратился в мальчика: потрепанного, очень подвижного и складного, лет десяти, с упрямо торчащим вихром. Он перевернул ее, с усилием поднял, перехватив руками, так, чтобы голова Клары свесилась вниз.

– Выплюнь ее! – шикнул прямо в ухо названной сестре. – Выплюнь!

Но она умирала. Опаленные губы прошептали что-то бессвязное. Мальчик-лис метнул взгляд в сторону Короля Ворон, который стоял, склонив голову, наблюдая за его борьбой. Ученик не сказал ни слова, не воззвал к помощи бога, а зашептал что-то быстрое, напевное, странное – не девочке, а звезде.

Горло его издало нечеловечески-переливчатую песнь, от которой завибрировали застывшие прозрачные стены. «Приди, звезда», звучало в ней, «Вспомни, кто ты». «Лети на свободу, в бездонный простор».

Клара изогнулась в спазме, изо рта ее изверглась загустевшая кровь. Тело пыталось отторгнуть звезду, а та очнулась и рвалась наружу, к спасению.

«Лети».

Звезда с шипением выкатилась на пол, липкая, полупрозрачная и угасшая. Но пламя и свет разгорались в ней с каждым мгновением, и с каждой долей секунды она откатывалась все дальше, а дрожала и подпрыгивала все сильнее.

Мальчик бережно отпустил Клару и бросился за осколком, который прыгал, разбрасывая огненные искры, все выше и выше. Звезда почуяла, что ловец настигает, и испустила волну огня, но ученик Леврана перекатился под пылающей плетью, словно знал заранее, как она пройдет. Он ухватил осколок, но не пытался удержать его, а наоборот, изо всех сил метнул с разворота вверх.

Воющая звезда врезалась в свод потолка, огненным росчерком отскочила в стену, от стены в пол, снова вверх – рикошет нес ее дальше и дальше, и с каждым новым ударом ревуций огнем осколок набирал обороты! Секунду спустя он метался из стороны в сторону с умопомрачительной скоростью, и уже не мог свернуть с predeterminedного пути, на который швырнул его мальчик-лис.

Смеющийся бог приподнял бровь и сдвинулся чуть левее, огненный сгусток мазнул мимо.

Ловец помчался по кругу, обратившись в размытую рыжую тень; он скакал так быстро, что глаз не мог уследить за его движениями, вновь и вновь уворачиваясь от осколка, с воем и звоном носящегося повсюду, усыпая черный мрамор мириадами искр. Но лис не просто метался по залу, а искривлял пространство, проходя сквозь него, как игла пронзает шелк и тянет за собою нить: скукоживал, стягивал его.

Натянутая до предела, реальность треснула, портал расколол воздух наверху под прозрачным куполом. Он был нечеткий, дрожащий, стремительно срастался – а траектория звезды вела мимо. У Лиса была секунда, чтобы успеть – он взвился в прыжке, превращаясь в мальчика, дотянулся и ударил ладонью невыносимо-быструю пылающую искру. И резанув его по руке, она отклонилась и канула в сомкнувшийся разрыв.

Резкий звон прокатился по всему замку, мальчик рухнул на пол, упал сильно и неловко, прокатился по мрамору и замер. Застонал. И опять воцарились тишина и темнота.

– Ты освободил звезду, – довольно кивнул капризный бог, поправляя подвеску с неогранным алмазом, затуманенным, как будущее маленького ловца. – И верно сделал. Угасший осколок, раскрошившийся в пыль, мне совершенно не нужен. Вот усмирённый – другое дело. Но с усмирением вышла незадача...

– Клара, – прошептал мальчик. Он держался за руку, порезанную осколком, кровь стекала узкой полосой к ладони, раздваиваясь на грязном запястье, как линия жизни и линия судьбы. Со стоном поднявшись, израненный ловец снова обратился в зверя, легко и естественно, как вдох-выдох, мальчик-лис. Подбежал, припадая на лапу, к девочке, неподвижно лежащей в темноте. Остановился над нею, замер, касаясь носом ее шеи. Опустил голову, ноги задрожали. Сел.

– Пока ты не явился, решение Клары убить звезду было... приемлемо. Не усмирить, так хотя бы не дать ей учинить здесь бедлам, – широко развел руками Король. – Но когда ты пришел, ее маленький замысел превратился в убыток и потерю, ведь ты мог спасти звезду! Зашвырнуть ее подальше, чтоб потом найти и усмирить. Ты превзошел себя и сделал это, спас замок, так что нам удалось избежать потерь. Ну, почти, – он повел пальцами, выказав утонченное сожаление, глядя на тело ученицы, распростертое в темноте.

– Она умерла, – глухо сказал мальчик, будто не верил в это. – Клара умерла.

– Конечно, – поднял бровь Левран. – А что еще можно сделать, когда проглотил звезду? Отделаться несварением как-то не получится. И когда у тебя выжигает дыру изнутри живота, тут никто в здравом уме не выживет.

– За что она умерла? – спросил мальчик с вызовом, вставая. – Чем заслужила?

– Сначала слабостью, потом глупостью, – не промедлив, ответил Король.

– Не сладила с осколком? Что ж не бросила его, не бежала сюда укрыться? Зачем притащила его с собой?!.. – мальчик пытался понять, и понял. – Не хотела подвести тебя, учитель. И рискнула. Думала, родные стены помогут. Думала, ты поможешь.

– Плохо подумала. Слабость, помноженная на глупость, всегда разрушительна. Вот ты – другое дело. Ты принес мне то, за чем охотился. Ты преуспел.

Ловец вытащил из поясного кармана небольшой предмет, завернутый в тряпку, и вытряхнул к ногам учителя. Мерцающий желтоватый осколок покотился по полу с холодным перестуком. Усмирённая звезда. Король поманил ее к себе, и та послушно подплыла, осветив его лицо, словно лучами уставшего солнца.

– Ты же мог помочь Кларе, учитель! Мог спасти, – мальчик наконец справился с голосом и почти выкрикнул это. Он умудрился одновременно хлестнуть сжатым, полным боли тоном, и в то же время остаться бесстрастным. Ученик бога замотал порез тряпкой, затянул зубами и наконец отпустил окровавленную ладонь, но руки у него тряслись.

– Сегодня мог, завтра не смог, – фыркнул Левран. – Кто бы спас её завтра?

– Она научилась чему-то с этой звездой, – упрямо мотнул головой мальчик. – Поумнела. Спас бы сейчас, завтра она была бы лучше. А теперь у неё нет завтра. Ничему не научится.

– Зато у тебя есть. Ты научился. Без Клары, как бы ты вспыхнул изнутри?

– Вспыхнул?!.. Изнутри?

– Ты предвидел отскоки звезды и в долю секунды понял, как её швырнуть, чтобы она по восходящей траектории пошла вверх, – пожал плечами Король. – Ты сумел открыть портал на бегу, уворачиваясь от звезды и вывернуть мир наизнанку за пять ударов сердца.

– Это я уже умел.

– Из места в место в пределах мира, – качнул головой смеющийся бог. – Не в грань мглы, не в четвертый слой сумрака сразу. Туда, где, хоть вся изгорись, она не причинит никому вреда.

– Только пока не выберется.

– Это будет позже. А сейчас ты превзошел себя. Ты вспыхнул и сам стал звездой. Благодаря Кларе. Благодаря тому, что я не помог.

Мальчик опустил голову.

– Сколько раз звезда отскочила от стен, когда ты её бросил? – спросил Левран.

– Тридцать два.

– Верно. Ты потянулся в будущее и заглянул на тридцать два шага вперед. Победил её, когда она еще не знала, что побеждена. Но ты уже знал.

Король вертел в руке маленькую медную штучку, зеленоватую от времени, плоский диск, испещренный тысячами крошечных косых прорезей. То ли пластина с надписью, то ли талисман.

– Всё равно ошибся, – ловец повел порезанной осколком рукой.

– Ошибся. Но не так, как Клара. Не смертельно.

– Сегодня нет. Завтра будет смертельно, – мальчик поднял грязное лицо и посмотрел темными глазами на Короля Ворон. – Что будет тогда?

– Тогда мы увидим, как ты умрешь, – ответил Левран.

Звезда в руках бога разгорелась ярче, осветив изысканно-бледное лицо. Мальчик отвернулся. Он смотрел на Клару, лежащую в темноте, но всё его внимание сосредоточилось на другом.

Главной силой истерзанного лисенка была вовсе не запредельная ловкость и быстрота. Не магия, настолько естественная, что он не слагал заклинаний, а просто говорил с миром на любых языках, и мир отвечал ему. И не умение прыгать по граням и измерениям, пересекая полконтинента за раз. А то, как он видел и слышал, осязал и ощущал. Гораздо лучше других учеников.

Мальчик-лис был настолько открыт и внимателен ко всему вокруг, что умел почувствовать и понять истинную природу вещей. Он с самого детства мало думал о себе и много смотрел по сторонам. Рано научился слушать не громкий хор своих желаний, а мерный такт причин и последствий происходящего вокруг. Обучение у смеющегося бога обострило его чувства во много раз. До предела усилило связь с миром. Глядя по сторонам, он всегда знал, куда движутся события, и что окажется важным.

Круглая бронзовая штука в руках у бога бередила мальчика. В ней было что-то, от чего сжималось сердце.

– Что это?

– Сито смерти, артефакт эпохи Триумvirата. Давно развенчан, не представляет практической ценности, лишь память времен, – цепким взглядом коллекционера Левран любовался узором отверстий странного талисмана. – Эта маленькая вещь когда-то была великой. С её помощью Король-некромант принес в жертву тысячу и одного пленника и разделил силу бездны на тысячу и одну нить, чтобы поднять величайшую армию невоплощенных. Армию неумирающих воинов для победы в кровавой войне. Каждому из них предстояло вернуться на родину, предать огню и мечу тех, ради кого он отправился воевать и умирать. Каждый солдат помнил, кем был при жизни, но не мог воспротивиться приказам мастера. Или мог? Вот это была бы история. Но артефакт не выдержал такой силы, и... – смеющийся бог театрально повел рукой.

И всё это было важным почти четыре столетия назад. Ученик вздохнул. Король Ворон полон загадок, тайны оплетают его тело вместе с десятками извилистых украшений. Это лишь малая из них.

– Я устал, – тяжело сказал ловец.

– О, конечно, ты заслужил отдых, – легкий жест, и перед ними соткался стол, полный немислимых яств. Он благоухал так, что поставь посередине площади, нищие сбежали бы

со всех концов Навиннира. – Можешь присесть и расслабиться, отведать блюда, от которых потекли бы слюнки у шахов, залить саднящие раны драгоценным вином.

Мальчик не двигался, ожидая, пока насмешливой бог закончит мысль.

– Только вот незадача, – расстроено скривил губы Король Ворон, – звезда рвется из мира мглы на свободу. Она уже на третьем слое сумрака, и скоро прорвется на второй. Ты знаешь, попади она обратно в мир, найти дикую огневицу будет ах, как сложно. Клара охотилась за ней целый лунн. Так что жаль, но...

Мальчик метнулся к столу, и принялся жадно набивать рот булочками с алой сахарой, перемежая их горстями паштета из печени и сердец безднокрылых соколят. Рубиновое вино из Хароссы потекло по его подбородку и груди, он чавкал так, что напугал ворон, выглядывающих из плаща Леврана; они взволнованно шебуршались и каркали, с завистью глядя на стол, полный прекрасных блюд и блестящих столовых приборов.

– Уже на втором! – повел бровью безумный бог. – Упустишь её?

– Она не моя звезда, – прочавкал в ответ ловец. – Клары. При чем тут я.

Он ухватил тяжелую гроздь пурпурных виноградин, каждая размером с голубиное яйцо, поднял их, разглядывая с недоверчивым изумлением.

– Но я могу приказать тебе отыскать её, – возмутился Король. – В конце концов, ты ловец звезд. Мой ловец звезд!

– Я повинуюсь, учитель, и поймаю её. Но не скоро. А ты хочешь сейчас. Прямо сейчас.

Капризный бог обиженно сжал губы.

– И чего же ты просишь за то, чтобы усмирить ее для меня? Сию же минуту?

– Руну времени.

– Оо, кто-то собрался прыгнуть в прошлое и изменить его, чтобы спасти девчонку! – обрадовался Король Ворон.

– А что, нельзя? – ученик побледнел.

– Ещё как можно. Я готов преподнести ценный урок дважды за день. Кстати, как ты собрался поймать и усмирить огненную звезду, которая уже *на первом* слое сумрака?

– Превзойду себя. Дважды за один день, – буркнул мальчик. Он бросил наполовину оборванную виноградную гроздь, шмыгнув носом и утер лицо, вскочил на стол, в прыжке превращаясь в лиса, промчался по нему, громя посудой и мстительно раскидывая прекрасные яства и блюда во все стороны, те с жалобным звоном сыпались на пол. Рыжий зверь взмыл в воздух, крутнулся и прыжком сотворил портал – симметрично закрученный, четкий. Он вёл прямо в первый слой мира мглы, и рвущаяся вверх звезда, истерично пылая и дымясь, влетела сквозь него, ударилась о потолок и рикошетом нырнула прямо в заботливо подставленный кувшин с драгоценным рубиновым вином.

Мальчик опустил его на пол и отскочил. Звезда пробила серебряный бок кувшина и запрыгала по залу, резко замерла... и недовольно зазвенела, осознав, что снова попала в проклятое место, где стены из застывшего огня.

Шрррр! Жадно рванувшись к источнику своих неприятностей, осколок сверкнул перед тем, как вонзиться ловцу в грудь – но тот на мгновение ушел в сумрак, стал бледной прозрачной тенью, и звезда пролетела насквозь. Врезалась в прозрачную стену, но сумела справиться с отскоком и снова замерла, нервно подрагивая. Мальчик не двигался и ждал. Новый рывок, тот же результат.

– Так может продолжаться довольно долго, – зевнул Король Ворон, ленивым движением руки соткал из искр и отблесков алый бархатный трон и небрежно присел на краешек. – Ну и как ты собираешься её усмирить, если Клара не смогла? У Клары-то магия была посильнее.

– Клара её не одолела, потому что сражалась, верно? – спросил мальчик, отрешенно глядя на звезду. – А в битве огонь только разгорается ярче. Когда с ней бьешься, она становится сильнее. Пусть выгорит от бессилия.

Дикарка метнулась к нему, ловец отклонился, пощекотав ее пальцем в полете. Зло взорвавшись ворохом искр, звезда подпрыгнула и обрушилась сверху, но мальчик увернулся и плюнул в нее, плевком угодил в осколок и зашипел, испарившись. Секунда, и они заметались по залу, звезда в бешенстве мчалась за дразнящим лисьим хвостом. Её полыхание становилось все ярче и ярче, вой все громче и сильнее – но как не рвалась, как не прыгала, она не могла поймать ускользающего врага. За считанные секунды он дважды макнул её в грязь верхком: сначала загнал в желе, а потом утопил в соусе из прыгучих креветок и императорских угрей.

Король мелодично засмеялся и встопорщил перья вороне, послушно сидящей у него в руках.

Осколок полыхал уже столь ярко, что больше напоминал маленький огненный шар. Пламенные отсветы причудливо колыхались в стенах и танцевали под куполом, высвечивая мрачные горы, нависшие вокруг. Мальчик швырнул в пламенеющий сгусток резной серебряный бокал, затем с разбегу врезал большим и тяжелым блюдом, которое звезда пробила со стоном, вихляясь в воздухе. Шипя от злости, она метнулась к обидчику, и внезапно тот не уклонился.

Осколок врезался ему прямо в грудь, ловец закружился, словно пытаясь стряхнуть его – но плывавшая яростью звезда уже знала, как невероятно-ловко может быть ее враг. И ударила его изо всех сил, пока не сбежал. Взорвалась яростным каскадом, густой россыпью огненных сгустков, взвившихся во все стороны сразу – не уйдешь, длиннохвост!

Мальчик-лис ждал этого. Ждал, когда она ударит изо всех сил, выпустит всё, что осталось. Метавшийся по залу наперегонки с разгневанной звездой, он незаметно, по чуть-чуть искажил пространство, соткал легкий, невидимый шов, ведущий в Океан. Приняв яростный удар и закружив звезду, он за мгновение до взрыва вскинул руку – и сверху рухнули бурлящие потоки вод.

Они окружили ловца искрящимися волнами, смыли пламя и отбросили звезду. Омытый водой, он стоял неподвижно, более светлый и чистый, чем раньше. Выпустившая свое пламя, звезда билась в гуще волн, угасая, захлебываясь в них. Она словно выдохнула, и теперь не могла вдохнуть.

«Стань водой» дрогнувшим голосом пропел мальчик, держась за обожженную грудь. «Тогда не умрешь». «Прекрати сражаться». «Плыви». И добавил: «Ты прекрасна, ты должна жить».

Осколок дрожал в потоке, красные и оранжевые всполохи вымылись из него, как краски, смытые с лицедея, и стал виден другой его цвет, прозрачно-голубой, задумчивый и тихий. Ловец повел руками, и волны свободно расплескались по мраморному полу. Он повернулся к учителю, опаленный, измученный борьбой, тяжело дыша.

Левран встал. Всё лишнее исчезло из зала: еда, вода, блюда, стол и трон. Усмиренная звезда оказалась в его ладони, смеющийся бог заглянул в ее мерцающую глубину и кивнул. Передал в цепкие лапы ворон, и она навеки исчезла в недрах плаща.

Он подошел к ожидающему мальчику, коснулся когтистой рукой его покрытого ссадинами лица, нежно провел когтем по виску и щеке.

– Сэн, – сказал безумный бог. – Ты превзошел себя снова. Ты выполнил свою часть сделки. Вот моя.

Он взял перетянутую тряпкой ладонь ученика в обе руки и стиснул, мальчик скривился от боли, но за болью был звенящий, бесконечный провал, ведущий в неизбывные дали, невмещаемые просторы, безграничные пути.

Руна времени, невидимая, тяжело осязалась в руке. Сэн с открытым ртом смотрел на свои пальцы, в которых сосредоточилась мировая мощь.

– Сэн, – сказал Король Ворон, отступая. – В твоих руках власть, близкая к божественной. Ты можешь ворваться в прошлое и изменить его. Изменить весь мир. Но только один раз.

В глазах бога сверкнула плутовская искра:

– Какого короля свергнем? Судьбу какого народа изменим? Наши друзья андары, ну не зарвались ли они?! Когда эти обезьяны в нелепых латах пришли на север, им пришлось выиграть войну у старых рас. Я знаю решающий, фокальный момент той войны, если изменить его, их победа пошатнется, и андары перестанут быть сильнейшим народом. Вся история переписется причудливым образом! Такого крупного узла вероятностей из доступных смертным, больше нет.

– Клара. Я хочу оживить Клару.

– Ну конечно, – Левран с насмешкой закатил глаза. – И как ты собрался это сделать?

Сэн смутился. Ученик двух богов, он уже прыгал во времени, но не сам, а по следам Лиса. Древнейший вел за собой, они промчались по эпохам, как два призрачных беглеца. Сердце мальчишки едва не лопнуло от счастья, это было самое, самое невероятное из всего, что он пережил. Но приемыш Лиса и Ворона еще не умел прыгать в прошлое или будущее сам. Он чувствовал нити судеб и течения вероятностей, умел перебирать их, пропуская сквозь себя – но не мог войти в реку времени. С руной это было возможно. Только он совсем не знал, как это работает...

– Я прыгну в то место, откуда пришла Клара, – запинаясь, вымолвил Сэн. – В то время, когда она поймала звезду. Приду на помощь, и ей не придется бежать в замок. Вместе мы справимся со звездой и принесем сразу обе. Так получится?

Мальчик смотрел с надежной.

– Безусловно получится, – медленно кивнул Левран, – хоть и не совсем то, на что ты рассчитываешь, мой рассеянный ученик. Но почему бы разок не попробовать.

Сэн медленно поднял руку. В центре ладони начал проявляться переливчатый, убийственно-яркий и тяжелый отсвет звездчатой фиолетовой бездны. Но тут ловца прошиб озноб понимания.

– Рассеянный на множество мелких кусочков? – воскликнул он, вспотев. – Как тот многорукий, который прыгнул за мной в расколотый портал на плато жалящих ветров?

– Ещё мельче, – старательно разглядывая отточенный коготь своего совершенного мизинца, ответил безумный бог. – Рассеянный на все протяжение времен.

– Почему?!

– Кому, как не тебе, мой маленький бегун по реальностям, понимать логику порталов и прыжков? Так происходит, когда ты возникаешь в месте, которое уже занято, – повел плечами Король. – Телепорт сбился, и тебя воплотило в центре горы? Тело материализуется вперемешку с камнем, его размажет в породе. Попал в раздвоенную арку – будь добр, разорвись надвое, иначе как бедный портал сможет выполнить свою функцию и доставить тебя в две точки сразу? Время же – состоит из мириада реальностей, переходящих одна в другую, или вернее, из одной реальности, растянутой на мириад мгновений. Мгновение так же материально, как гора. Прыжок в массив свершившегося – тебя рассеет по всему мирозданию. И хорошо, а то каждый идиот с руной времени менял бы историю на завтрак. Весело бы мы тогда жили. Но недолго.

– А как же тогда... вообще менять прошлое? Ты учил нас, что это возможно! Можно исправить ошибку, совершенную раньше!

– Если ты хочешь поменять его, нужно прыгнуть в один из узлов времени. Точки темпоральной бифуркации, квантовые порталы входа-выхода, их немало рассеяно по всей истории, – как ни в чем не бывало, объяснил Левран. – Главное их свойство, которое и позволяет что-то изменить, это неопределенность. Жизнь – череда выборов и их последствий, переплетение лавинообразных событий, толкающих друг друга, как камни в огромной массе, сходящей с гор. Выбор каждого отражается в общем маршруте лавины. Но этот выбор совершают не пришельцы извне, не темпоральные чужаки, а те, кто живут в текущем моменте, являются неотъемлемой частью него. Эгмунд Фассилор говорил, что люди – это проекции бытия.

Смеющийся бог замер, поглаживая ворону. Мальчик терпеливо ждал. Он понимал смысл сказанного, даже не зная многих слов.

– Узлы неопределенности – это единственные точки, в которых есть возможность выбора для тех, кто пришел извне. Для нас, странников по эпохам и мирам, они как островки посреди пустоты.

– А как же Лис? – затаив дыхание, спросил Сэн. – Он свободен.

– Да, – ответил смеющийся бог, и глаза его сверкнули. – Древний может скакать по временам, как ему вздумается. Потому что каждый его шаг рождает маленький узел неопределенности, который затухает после того, как Лис сойдет с места. Он как конь, подкованный удачей, свобода в каждой из его лап. Загадочный зверь, один такой на всю вселенную; а всем прочим, инвалидам времени, остается прыгать с кочки на кочку.

– Значит, – воскликнул Сэн, сложив все воедино, – я могу почувствовать, есть в жизни Клары узел или нет? Как это сделать?!

– Ты умеешь находить линии судьбы. Так нащупай её нить, – Левран простер руку к неподвижному телу. – Прикоснись, потяни к себе, как звучащую струну. Если отзовется беззвучно и глухо, значит, её музыка исполнена от начала и до конца. Значит все прожито и свершено, свободы больше нет. Если в её жизни осталась хоть одна узловая точка, момент свободного выбора, когда можно что-то исправить – струна зазвенит... и ты почувствуешь, как всё отзывается внутри.

Совершенные губы изогнулись в нежной, хищной улыбке.

– А если когда-нибудь ты достигнешь зрелости ловца звезд, то сможешь по этой музыке понимать, как именно тебе отзывается её жизнь и как именно могут быть переплетены ваши судьбы. Пока же попробуй просто услышать отклик. Если он будет.

Сэн зажмурился, кусая губы, подошел к девочке и сел рядом с ней. Помедлил, словно не решался, но затем всё же взял её холодную руку в свои ладони.

– Клара, – прошептал он, – Клара.

Гнетущее молчание накрыло зал.

– Что там? – лениво потянувшись, едва слышно зазвенев украшениями, спросил насмешливый бог.

– Нет, – мальчик сморщился, словно накрыл лицо маской мучительных сомнений. – Не звенит. Я не могу помешать Кларе умереть... В её жизни нет узла...

Он встрепенулся:

– А у звезды?!

– Проверь и её, – легко согласился Король Ворон.

Сэн прижал руки к ожогу на груди и закрыл глаза. Секунды бежали безрезультатно. Тяжкое молчание сгорбило спину мальчика, он замер на мраморном полу, сжав ладонями голову. По его щекам текли слезы.

– Что ж, – пожал плечами безумный бог. – Полагаю, пора прощаться с Кларой.

Левран медленно поднял руки, развел их широко в стороны, и вороны одна за другой полезли из тьмы его плаща, как чёрные призраки беспросветной ночи. Их было много. Их глаза горели голодом. Громко каркая и семеня лапами по полу, хлопая крыльями, короткими шумными перескоками, озираясь на хозяина и на ловца, они перелетали все ближе и ближе к холодному телу бывшей ученицы.

На лице мальчика проступил страх. Он озираясь, прикрывая Клару, но знал, что не сможет её защитить.

– Отступи, Сэн, – сказал безумный бог из темноты. – Ты не знаешь способов её спасти.

– *Не знаю?* Ты сказал «не знаю». Ты не сказал, что их нет!

– Для тебя «не знаю» и равно «нет». Верный ответ часто на расстоянии шага, но люди умирают, не зная, что могли выжить.

– Кар! Карр!

Размытая рыжая тень косо метнулась вперед, вороны заорали, яростный клубок прокатился по полу: перья, брызги крови, крики, мешанина крыльев; секунда, и он снова прижался к полу рядом с Кларой. Черные тени отступили и медленно окружали, хрипло скрипя «Каррр! Каррр!»

– «Если ты хочешь поменять его», так ты сказал... – мальчик задыхался. – А если я не хочу менять прошлое?..

– Зачем же тогда прыгать в него? – удивился Король Ворон. – Разве что попасть под дождь? В четыреста тринадцатом был незабываемый ливень, две недели подряд, всё побережье...

– Я не могу прыгнуть в прошлое Клары, там нет узла... – бормотал Сэн. – Но могу прыгнуть в любой узел, который существует... Их тысячи, в разных временах и странах, ну хоть где-то есть помощь?! Хоть где-то есть идеальный, подходящий момент... Как же его найти?

– Перебирай струны, – хищно ответил Левран.

– Их слишком много, я не смогу расслышать нужную. Ошибусь и зря истрачу руну, не оправдаю твой дар.

– Это не станет новостью, – губы безумного бога изогнулись в усмешке. – Люди разочаровали меня давным-давно.

Сэн не отрываясь смотрел на медный диск в руках у Леврана. Что-то звериное проступило в чертах мальчика.

– Звенит, – сказал он. – Звенит.

– Это? – насмешливый бог поднял странную штуку, испещренную ситом прорех. – Ты почувствовал узел времени в прошлом штуковины? Но причем здесь Клара?

– Я слышу музыку этого ситечка, там смерть... Но там жизнь.

– И почему ты думаешь, что это именно та музыка, которая тебе нужна?

– Потому что я хочу не изменить прошлое. А просто попасть под дождь.

Сэн схватил Клару и прижал к себе, руна времени разгорелась в его раненой ладони. Вселенная дернулась в кратком спазме, переливчатая звездная бездна разошлась рваной прорехой и поглотила их.

Аль-Хаддир помнил, что он воин великой страны, надежда Герона, наставник бесстрашных, тысячник легиона. Он привык могучим броском метать рунное копье и пробивать строй вражеских щитов. Привык ласково сжимать талию любимой, вот уже двадцать шесть лет каж-

дый раз как в первый; кидать в воздух внука и ловить у самой земли, давать подзатыльник нерадивому бойцу. Привык ловить удары палиц и мечей голой ладонью, смеясь в искажённые страхом лица врагов. Но сильные, никогда не подводившие руки сегодня не слушались его.

Тонкое граненое жало пронзило лунное сплетение в груди и жадно, но очень медленно пило кровь воина. Не в силах двинуться, Хаддир знал, что уже мертв, хоть ещё и не смирился с этим. Хуже того, его жизнь не просто отберут, а подарят силам тьмы. И самое страшное, рядом точно так же пронзили сотни воинов Герона и союзных королевств. Многих из них он знал, некоторых вел за собой.

Некроманты не оставляют живых, тут же после боя поднимая их нежитью. А демоны белой крови исторгают и пожирают души пленных, чтобы исцелить своих раненых и заново призвать павших. Кому бы из генералов бело-черного союза ты не проиграл, участь людей одинакова. Тысячник искал причину, по которой его не убили, а привезли в Черный Храм вместе с другими солдатами со всех концов охваченной войной Триумвирата. Теперь причина открылась: как только обряд закончится, они станут отрешенными душами, затерянными между жизнью и смертью. Страшным, убийственным – и покорным орудием врага.

Король-некромант в мантии, зияющей провалами в тьму изначально, шел сквозь ряды пронзенных воинов. Да, сама Бездна лежала у него на плечах, и оттуда тянулись призрачные когтистые руки неведомых существ. Они касались человеческих тел и проникали в плоть, словно купаясь в угасающем тепле. На черной груди сверхмага светлел бронзовый диск с тысячью крохотных проколов. Сито Смерти.

Солнце над головами стало меркнуть. Ритуал можно провести лишь днем, но для его завершения нужна полная темнота. Демоны белой крови создали посреди неба искажение, которое закрыло мир от светила. Поэтому для собравшихся в Храме посреди дня наступала ночь.

Поднявшись на вершину пьедестала, Король-некромант развернулся к пронзенным воинам. Лицо владыки меняло форму, медленно перетекая из одних черт в другие: юноша с восторженным взглядом обращался стариком с ужасом в глазах. Но неважно, какое из лиц всплывало на поверхность, сотни выпитых жизней давали сверхмагу громадную силу, помноженную на его мастерство. Овладев двумя величайшими артефактами тьмы: Бездной и ситом, владыка мог быть уверен – в мире нет смертного, который сумеет ему противостоять.

Мастера негатоса вместе с конвоем высшей нежити окружили предводителя тройным кольцом. Рыцари тьмы, дети крови, неуспокоенные, маги-личы, всепожирающие твари негатоса и нокса, глиффарисы, некротические исчадия – все порождения ночи сплотились вокруг пьедестала. Творя ритуал, повелитель будет ослаблен и уязвим. Поэтому объединенные силы Триумвирата обязательно нанесут удар по Храму, пока длится обряд.

Король-некромант воздел руку, последние лучи прошли сквозь сито, и солнце померкло.

Аль-Хаддир, угасающий вместе с ним, слабо вздрогнул: за миг до наступления тьмы у ног воина возникли двое: худой, ободранный мальчик с руками в крови – и девочка того хуже, истерзанная, обожженная, мертвая. Взгляды воина и мальчишки встретились, обреченное удивление с затаенным ожиданием, и на обоих рухнула тьма.

А вместе с ней тишину потрясли яростные вопли, истязающие человеческий слух. Народ ночи не нуждался в свете, чтобы видеть; миг спустя все они были здесь: воюющие духи, шипящие дети крови, маги, покрытые отблесками разных стихий. Твари тьмы окружили Хаддира, веяли ледяным дыханием смерти, рыскали повсюду в поисках незваного чужака.

В Храм невозможно проникнуть сквозь арку или портал, не пройти сдвигом пространства или воплощением; не пробраться сквозь страну теней и любую другую грань бытия. Высшее колдовство, переплетение старых и новых защит пронизывает всю храмовую гору от неожиданных появлений врага, и в мире нет способов преодолеть его. Армии существ, населяющих каждую грань и преданных Бело-черному союзу, охраняют подходы к Храму.

Как нежданный человек мог здесь оказаться?

– Где он? – раздался сотрясающий голос князя тьмы, закованного в нерушимый доспех.

– Исчез, господин. Его нет в сумраке и в свете.

– Что скажут мастера?

– В гранях всех стихий пусто, в межмирье ничего. Все сферы прикосновения с Храмом пусты. Человеческого ребенка нет.

– Та, что он принес?

– Мертва! – прошипел голос Жаждущего.

Судя по глухому звуку, он бросил тело ребенка на землю, и Хаддир, преодолевая слабость, зарычал.

– Есть ли способы сделать это? Войти сюда минуя все защиты?

Молчание.

– Боги могли бы совершить такое.

Ропот, шипение, вой.

– Боги погибли. – тяжело проронил князь.

– Меняющие сиды. Они способны войти сюда сквозь запрет, изменив условия реальности.

– Сиды закрылись в Инланде и не вмешиваются в дела мира уже сотни лет.

– И мы не чувствуем следов истинной магии сидов. А её ни с чем невозможно перепутать.

– Тогда лишь время. Лишь временной прорыв мог открыться в Храме.

– Они пришли из другой эпохи? – даже в голосе мертвого владыки слышалось удивление.

– Мы не видим иных способов, господин.

– Откуда они пришли?

– Не узнать.

– Есть ли угроза обряду?

Пауза.

– Нет. Мы не чувствуем ничего в теле, оно пусто. А живой, судя по следам, вернулся туда, откуда пришел.

– Возможно, их случайно забросило сюда. Время коварно.

– Господин! – новый голос. – Судя по остаточным аурам и колебаниям граней, они пришли из несвершенного. Это посланцы будущих эпох.

– Ты уверен?

– Насколько можно быть уверенным в том, что касается времени.

– Мертвые восстанут сегодня, – проронил владыка. – Может ли быть, что знающие прошлое выбрали этот миг из-за того, чему суждено произойти? Может ли быть, что приславший сюда мертвеца знает о нашем обряде, и хочет получить бессмертного слугу?

Молчание длилось лишь пару мгновений. Но не потому, что кто-то из магов-личей ответил князю тьмы. А потому что мир содрогнулся и загрохотал.

Даже сквозь затуманенный взгляд и слабеющий слух Хаддир увидел и почувствовал, что все вокруг залито солнечным светом. Что тысячелетние плиты под ногами и сама земля трясутся панической дрожью – и все они, вместе с Храмом, падают. Падают вниз.

Воин Герона понял, что объединенные силы человечества вступили в решающий бой против армий бело-черной тьмы. И, не в силах перенестись к Храму для быстрой и организованной атаки всей своей мощью, они свершили обратное: вырвали из земли и перебросили в нужное место всю храмовую гору, целиком. Перенесли прямо в небо над расколотыми равнинами Израим – и теперь гора рушится вниз.

Это уничтожит её, всё внутри Хаддира возликовало, это сотрет в пыль древние плиты, испещренные вязью рун, пропитанные вязким соком отвратительных заклятий и горькой кровью жертв; это расколется пьедестал ночи, сломает хребет Черного храма. Объединенное

воинство нанесло изощренно-сложный по воплощению, простой по замыслу и страшный по эффекту удар по врагу. Оплот некромантов падёт. Хаддир засмеялся, и он был не один из тех, кто ещё оставался в живых и смог оценить величие замысла соратников. Нестройный человеческий смех прокатился по рядам пронзённых.

Тысячник видел, как со всех сторон на падающий остров пикируют целые армии летающих существ и несутся соланты, небесные корабли.

Свет снова померк, защитные ауры владык нежити сработали, укрыв стонающих тварей от солнца. Большинство из иерархов переживёт падение: они способны уйти в иные миры, чтобы избежать удара, или просто взлететь; многие из них призраки. Но свершится главное: Храм со всей его древней мощью будет уничтожен. И Король-некромант не успеет завершить ритуал.

– Все они здесь, – пророкотал князь тьмы. – Высшие Аурины. Раджи Рамал и трое его учеников. Орден Изгнателей. Витаманты севера и Ордиали юга. Все рыцари андаров и всадники аратов. Соланты всего мира, грифоньи и пегасовы войска. С ними воинство рунов и армия химер.

– С нами демоны белой крови! Их порталы раскрываются наверху и внизу, крылья легиона простираются над миром. С нами огненные твари и порождения искаженных глубин.

– С ними дети расколотых равнин, хаоскины и племена варгалов. Каменный народ.

– Новые врата раскрываются в небе и на земле! Это демоны алой крови и демоны мерзости! Обе великих армады вступили в бой на нашей стороне.

– Канзы. Дети Чистоты сражают наше воинство негасимым огнем. Обнуляют нашу магию.

– Нульты не успеют добраться до Храма, чтобы помешать.

– Лорды Хаоса пришли в мир через радужные всполохи. Как и было условлено, они ударят по канзам.

– Небеса взбунтовались. Народ ветра атакует всех без разбора.

– Норды. Норды выходят из парящего моря, они прошли с далекого севера на юг морским путем.

– На чьей они стороне?

– Союза смертных. Они атакуют орды Хаоса.

– Что ответят безумные полубоги?

– Они с нами. Армии Ассирита разворачиваются внизу, мой господин.

Воистину, равной битвы давным-давно не видел свет. Но ещё секунды, и гора упадет на землю, провалится в бурлящий океан Хаоса, проступающий сквозь трещины Расколотых равнин. Удар будет так страшен, что сотрясет весь мир – но перед этим сотрет Храм ночи в пыль.

Хаддир был рад, что умрет человеком.

Однако его радость оказалась преждевременной.

Сверхмаг вёл обряд и не мог вмешаться в происходящее, но подданные и ученики нашли выход: высшие заклинания пленили время на вершине храмовой горы. Ход мгновений ускорился – за секунды вне Храма, внутри него пролетят минуты. Краткое падение будет долгим для тех, кто волей судьбы оказался здесь. И пока оно длится, владыка Бездны завершит ритуал, воплотит тысячу невоплощенных. Армии смертных, атакующие Храм, не успеют до него добраться, чтобы этому помешать.

– Битва снаружи только начнет разгораться, а властелин закончит обряд. И мы вступим в неё всей мощью вместе с тысячей невоплощенных.

Мир дрожал от титанических сил, переполняющих небо над расколотыми равнинами Израим.

– Что это? – спросил князь, и в голосе его был страх.

– Петля времени сжимается, – ответили сразу несколько голосов.

– Почему?!

– Кто-то из смертных предусмотрел. Кто-то понял, что мы намерены создать армию невоплощенных, и заранее сделал шаг.

– Кто-то из жертвенных смертных – ловушка?

– Да, господин. Десятки из пронзенных принесли в себе семена хаоса.

– Их позволили взять в плен, зная, что, когда Храм рухнет с неба на землю, мы замедлим время... и руны хаоса исказят наше колдовство.

– Почему вы не увидели этого?! – разъяренный крик владыки потряс гору.

– Мы сочли их метками Лордов Хаоса, оставшимися у смертных после битв с ними. Все пленники-ловушки – из прошедших карианскую войну.

Аль-Хаддир почувствовал, как глубоко внутри шевелится отросток великого Хаоса, самой опасной и самой удивительной из мировых сил. Теперь воин понял, зачем Светоносный медлил, срачивая страшные раны тысячника и его людей после карианской победы. Понял, что за радужные отсветы играли в целительных руках. Всё внутри Аль-Хаддира клокотало от радости и ярости боя, увы, недоступной ему – но его ярости, его по праву.

– Мастера, пытайтесь сдержать время, – пророкотал князь. – Каждая секунда дорога. Остальные, будьте готовы убить пленных. Если не удастся завершить ритуал, мы получим хотя бы тысячу проклятых.

– Кто-то ещё вступает в битву. Кто-то... вступает прямо сюда!

– Меняющие сиды. Только они способны открыть портал сквозь реальность, отменив запрет.

– Я чувствую древнюю магию...

– О, боги. Теперь это действительно всеобщая война.

– Да пребудет с нами Тьма.

Метки Хаоса исказили петлю времени, и она лопнула. Время сравнялось. Пространство вокруг Хаддира взорвалось сотнями силуэтов и теней. Меняющий сид, величественный правитель в доспехе из живого золота, возник прямо на пьедестале рядом с Королем-некрмантом. Вместе с его приходом запрет на телепортацию рухнул – и в то же мгновение Храм превратился в поле боя.

Защиты тьмы отчасти смело, в прорехи грянуло солнце. До сокрушительного удара о землю оставался десяток секунд, но теперь уже нападавшие замедлили время, чтобы пока гора рухнет вниз, в Храме прошли минуты – и решающий бой развернулся в полную силу. Сознание обычного человека не способно вместить всего, что произошло в эти минуты. А сознание принесенных в жертву отключалось, жизнь покидала их. Аль-Хаддир всей душой был в этом бою, но и он перестал ощущать биения собственного сердца. Пришел и его час.

Дальнейшего он не видел.

Не видел, как Раджи Рамал, верховный мистик и нестигаемый паладин, низверг Князя, как черные глаза безжалостно смотрели в полные угасающей злобы алые, а сияющие клинки оборвали все связи проклятой души с миром, не допуская его возрождения.

Не видел, как трое великих учеников Рамала обрушили свою мощь на Короля-некрманта, как атаковал его же Меняющий сид. Демоны и нежить пытались помешать им, но остальные союзники отгеснили их огнем и мечом. Высшие иерархи всех сошедшихся в битве сторон сражались здесь, на плитах обречённого Храма, тьма в конвульсиях переплелась со светом, прорывы стихий многоцветными разрядами пронизывали всё вокруг. Слова силы сотрясали и без того раскалывающуюся гору.

Аль-Хаддир не увидел, как Король-некрмант уничтожил сразу нескольких великих страшным, заранее заготовленным ударом тьмы – но многие из тех, на кого обрушился удар,

сумели отразить его. Как плащ-Бездна взметнулся и проглотил королеву каменного народа, как руки тьмы схватили и затянули двух архимагов в непроглядную глубину.

Как в момент наивысшего противостояния жадная тьма из Бездны, из всех миров негатоса и нокса прошла сквозь сито смерти, определяющее, кому жить, а кому умереть. Как пал златоносный сид, принявший удар вековечной ночи на себя. Как первый из учеников Рамала, озарённый величием Гиперион, ударил развоплощением не по Королю-Некроманту, а по бронзовому амулету в его руках.

И так велико было искажение всех стихий здесь, в рушащемся храме, что от выплеска силы произошло чудо. Инверсия потока обратила полярность нисходящих стихий и основ. Вместо негатоса и нокса сквозь треснувшее сито ворвались бушующие потоки ауриса и света. Торжество смерти обратилось буйством жизни.

Аль-Хаддир не видел, как корчились в потоках жизни и света ряды высших демонов и нежити, сгорая, развоплощаясь, проваливаясь в темные миры. Погибая и спасаясь бегством.

Как властный Гиперион, неистовая Зуфият и светоносный Хилеон повергли Короля-некроманта, повергли втроем, каждый с помощью своей силы, но все вместе. Гиперион схождением сфер распада и великого ничто открыл черную дыру прямо в его теле; Зуфият необузданной яростью огня погасила попытки уйти и защитила остальных от возмездия тьмы; а Хилеон сияющей сетью жизни и света выгреб из владыки тьмы все сожранные им души, обнажил его серое, истерзанное язвами негатоса тело.

Это было лишь малой частью того, что не увидел Хаддир.

Тело короля-некроманта съёжилось в пульсирующий комок крика и жажды выжить, но черный разрыв нокса проглотил его. Гиперион рухнул на колени, из последних сил удерживая разряды ничто, жадно пожиравшие его собственное тело – но руки наставника легли на его плечи, и печать Раджи Рамала прекратила агонию распада.

Бой внутри Храма свершился, но чудо еще нет. Хилеон Светоносный, высокий мужчина с вдохновением в глазах и живых, подвижных руках, оказался на вершине постамента. Замершая фигура темнела посреди волн сияющей энергии. Он поднял упавший бронзовый диск, который был надломлен и истекал силой, и развенчал его одним сокрушительным ударом ауриса; а затем преобразовал высвободившуюся мощь на пользу себе и другим. Руки мистика взлетели, сплетая первобытное буйство виталиса в управляемый поток. В его движениях чуткость сплелась с мастерством, и волны зеленой энергии жизни подчинились ему.

Аль-Хаддир не видел, как один за другим, мертвые пленники начали оживать.

Но всё это видел Сэн.

Лис выскользнул из плаща-Бездны, упавшего на каменные плиты там, где минуту назад был сильнейший из магов мира. Рыжий зверь подскочил к телу Клары и замер, глядя, как волны света и жизни переливаются в ней, как ожоги разглаживаются, а его собственные раны, ссадины и даже старые шрамы зарастают спокойно и легко. Волны света будто смывали их с рук, боков и лиц.

Сэн поднял сияющие глаза и уставился на Хилеона, тот словно стоял на вершине мира, глядя вниз на соратников, победивших великое воинство тьмы. Вытянув шею, высокий человек разглядывал, все ли выжили, выискивал ещё кого-то в толпе, кому нужна помощь. Сила, победившая смерть, послушно замерла в его руках.

Их взгляды встретились. Секунду, другую Хилеон разглядывал мальчика, затем кивнул ему и сошел с постамента вниз.

Словно ливень из жизни и света устлал Храм ночи. Чудо свершилось: должны стать воинством смерти вернулись к жизни. И вместе с ними Клара, просто попавшая под дождь.

– Очнись, пожалуйста очнись!

Мальчик-лис чувствовал то, о чём Клара была не в силах сказать. Она погибла растоптанной и раздавленной, разуверившись в себе и других. Никто не пришел на помощь, учитель не спас её, а бросил умирать. Бездна в потемневших глазах была сильнее воли к жизни. Зачем жить, если ты ни на что не годен? Никому не нужен?

– Ты нужна мне! Клара! Очень-очень нужна!

Он схватил её за плечи и тряс, на лице мальчишки смешались возмущение и растерянность, жалость. Любовь. Что-то шевельнулось в глубине карих омутов.

– Учитель дважды подсказал мне и показал амулет, по которому я нашел это место из тысяч возможных! Ему не всё равно!

Девочка прерывисто вздохнула, слёзы потекли по щекам. Огромное облегчение отразилось в её взгляде. Сэн смотрел на бледное лицо, в распахнутые глаза, ещё не верящие, что снова видят, и почувствовал, как дурацкая предательская слеза сбежала по щеке. Быстро утерев её, он наклонился к девочке и прижался к ней, она ухватилась за него обеими руками, обняла так судорожно и сильно, будто тонула и умоляла о спасении. Но она уже была спасена.

– Ты живая, – прошептал Сэн. – Ты такая живая, Клара.

Вокруг славили Раджи Рамала и его первого ученика. «Победитель сверхмага! Гиперион!» слышались возгласы. Все понимали, что исход боя переломило чудо, произошедшее после его удара по ситу Смерти. Сосредоточенный Джулиан Фассилор, юноша с громким прозвищем и огромным талантом, озирался, смущенный излишним вниманием. Он поднял плащ-Бездну и скрыл её в складке пространства, артефакт такой силы должен быть сохранен. Гиперион был только рад, когда учитель отвлек от него внимание, резко выкрикнув:

– Битва не окончена! Время в Храме течет медленно, и великое сражение за его пределами только началось. Готовьтесь, скоро мы уходим отсюда!

– Нельзя допустить, чтобы гора упала, Рамал, слишком многие погибнут.

– Изгнатель прав, последствия будут колоссальными.

– Да. Когда все покинут это место, я открою грань Порядка, и гора рухнет туда. Наш мир больше не пострадает от Храма ночи.

– Аль-Хаддир, выстраивай воинов. Они пойдут со мной.

– Да, Светоносный, – руки воина, снова послушные хозяину, сомкнулись на рукояти меча. Тысячник поднял оружие князя тьмы, великий клинок, просто лежавший на полу. Враги да устрашатся собственной тьмы – в его руках.

– Все готовы?

– Начинаем раскрывать арки!

– Что это за дети?

– Мы из будущего, – нахально заявил мальчик-лис, загородив Клару. – Кстати вы всех победите.

– Правда?

– Не знаю, я не учил истории. Андары самый сильный народ!

Глава ордена Изгнателей удивленно усмехнулся, переглянувшись с верховным мистиком. Дети юркнули в сторону от пристальных взглядов, держась за руки.

– В мальчишке руна времени. Она завершает цикл, через две минуты он вернется туда, откуда пришел.

– И на нём печать какого-то младшего бога.

– Левран. Такого бога нет.

– Очевидно, появится в будущем.

– Даже с будущими богами лучше не ссориться. Кто знает, может это один из нас.

– Повелитель ворон? Я стану богом получше!

Вокруг засмеялись.

– Не трогайте мальчика.

– Как ты сделал это? – прошептала Клара.

– Прыгнул в прошлое. Тут это... битва великих. Случайно взяло и оживило всех мертвых. Судьбоносный момент.

– И ты принес меня сюда?

– Ну. Чтоб и тебя оживило. А чего, одним трупняком больше, одним меньше, никто и не заметил.

– Ах ты!..

– Ну мертвяком... жмуриком... трупаком...

– Заткнись, Сэн!

Она обняла его снова, молчи, глупый, просто прижмись ко мне. Слово не могла, не хотела отпускать.

– Щекотно, – мальчишка ерзал, вывернулся и поглядел на нее с сомнением. Может у Клары что-то пережглось в голове и не оживилось? – Чего ты плачешь? Все уже позади! Я и звезду твою усмирил, вот какой я, самый лучший!.. Правда?..

– Ты самый лучший, – повторила Клара, плача.

– Ну а чего тогда, радуйся! – мальчишка не мог понять. – Думала, ты самая способная из учениц, вот и страдаешь? Ну по магии ты способней. И умнее.

– Сэн, я не перенесусь обратно вместе с тобой.

Он замер с раскрытым ртом.

– Ты пришел сюда без меня. С мертвым телом как вещь. А теперь я живая. Руна для одного, Сэн, – всхлипнула Клара, глядя на него в последний раз. – Мне не вернуться обратно.

– Что...

– У нас остались секунды, слышишь. Я...

– Клара!

– Я всегда буду... Я...

– Клара!!

Фиолетовая бездна раскрылась и проглотила его.

– Сэн!

Девочка упала на колени и закрыла ладонями лицо.

Аль-Хаддир подошел к ней и сказал:

– Я возьму тебя с собой. Не потому, что так приказал Светоносный. А потому что ты чужое дитя без родителей, и честный человек обязан о тебе позаботиться. Ты под моей защитой, ничего не бойся. Ты станешь мне внучкой?

Только Клара, в отличие от мальчика-лисы, не знала всех языков, на которых говорит мир. Для неё слова здорового солдата, седого как лунь, были тарабарщиной на никогда не слышанном языке. Но всё же девочка поняла главное. И хотя ученица смеющегося бога уже в двенадцать лет могла постоять за себя в неравном бою и потягаться с яростно пылающей звездой – Кларе всё равно было очень, очень нужно, чтобы кто-то её защищал.

– Да, – ответила она.

Врата открылись, и все они покинули Храм Тьмы, а затем удар невероятной силы развеял его в пыль.

Огненный зал утонул в молчании и темноте. Левран стоял спиной к ученику, любуясь звездами.

– Я вернулся. А Клара осталась там. Она жива.

– И у меня не будет своей собственной маленькой невоплощенной, – обиженно скривился Король Ворон. – Тебе хотя бы понравились все эти пафосные старички?

– Я понял... кем хочу быть, – осторожно, но честно промолвил Сэн. – Что хочу делать.

– Чего же? – безумный бог обернулся и удостоил его взгляда.

– Оживлять людей. Так можно исправить почти любую ошибку и зло. Вернуть жизнь. Я хочу стать таким, как Светоносный.

Левран пожал плечами и кивнул:

– Почему бы и нет.

Сэн наклонил голову и смотрел на бронзовый диск в его руках. Несмотря на то, что все было кончено, старая вещь по-прежнему бередила его. В ней было что-то дорогое и важное.

– Ах, это, – вспомнил Король и щелчком пальцев отправил талисман в руки ученика. – Это для тебя, от знакомой старушки.

Как только сито смерти оказалось в руках ловца, голос Клары заполнил его мысли. И хотя это был голос старой женщины, он все равно оставался голосом Клары.

«Здравствуй, мой чудесный Сэн. Мальчик, вернувший мне жизнь. Мне уже девяносто два года. Я не стала называть детей и внуков в твою честь, потому что ты всегда будешь один такой на свете.

Учитель пришел ко мне в день замужества. Я испугалась, что он отыскал меня даже в прошлом, и теперь заберет, но подумав, он решил, что уже наигрался со мной. Сказал, что моя жизнь вот-вот станет совершенно скучной, и он больше не видит нужды ко мне возвращаться.

Но моя жизнь не была скучной. Я видела столько мест и событий, участвовала в стольких из них... И я нашла множество дорогих моему сердцу людей. Некоторых из них я сама создала: родила и вырастила такими.

Я никогда не забывала тебя. И мы с тобой снова встретились, вот увидишь.»

Послание длилось и длилось, Сэн слушал, как зачарованный. Когда оно закончилось, мальчик улыбнулся, шмыгнул носом, сунул бронзовый диск в карман и обратился в лиса.

Левран сидел на троне из вороньих перьев и держал в руке голубой осколок звезды. Глаза его были темны, как ночь. Лис прикорнул на верхушке трона, положив лапы и морду на белые волосы бога, а хвост его пушистой лентой спускался по плечу Короля Ворон. Такими их и застал восход солнца, когда прозрачные стены начали разгораться, словно охваченные огнем. Тогда Левран повел плечами, и в следующее мгновение в зале никого больше не было.

Прощание с Авалоном

Повесть о сироте из приюта на планете Авалон, которая встретила с Небом.

Жанр: космическая фантастика

Мир: Галактика Одиссея Фокса

Посвящается Льюису Кэрроллу, Киру Бульчеву, Жюль Верну и другим писателям, которые с детства пробуждают в нас тягу к приключениям, к непознанному и прекрасному.

Полет Облачка

Повсюду царит переливающийся жемчужный туман. Весь мир тонет в нем, и лишь один чёрный пик выглядывает из туманного моря – одинокая скала среди безбрежной белизны. Сверху раскинулось ясное небо, над ним царит слепящее солнце, а в его жарких лучах плывут сотни маленьких белых облаков, с таким же жемчужным отливом.

В центре Тирольской возвышенности множество чёрных скал, каждая тянется к небу, но из тумана выглядывает только самая высокая. Остальных сегодня не видно: белый туман поднялся выше обычного, ведь сегодня *прилив*.

Причудливые звери, живущие в тумане, не любят показываться на солнечный свет – он их пугает и ослепляет. А потому летающие вокруг птицы крайнее удивились, когда ровно в восемь утра по авалонскому времени из тумана выступило незнакомое существо. Оно поднялось из белизны и замерло посреди безбрежного облачного моря, такое же одинокое, как торчащий вдали чёрный пик. Но, в отличие от него, вполне способное чувствовать своё одиночество.

Птицам не видно скалы под ногами существа, её укрывает туман. Поэтому с их точки зрения, создание стоит прямо в океане, который расстилается от горизонта до горизонта. Вокруг такой простор, что кажется: весь мир – лишь туманное море и яркое небо над ним, усеянное маленькими облачками. А посередине моря стоит, вытянувшись в струнку и запрокинув лицо к небу, это странное создание.

Яркие лучи светят ему прямо в глаза, оно немного жмурится, но смотрит на Солнце смело. Слабый ветер треплет длинные черные волосы. Птицы находятся в совершенном недоумении. Не обращая на них внимания, существо оглядывается по сторонам, выискивая что-то в бескрайних небесных просторах.

В Содружестве межзвездных государств живут существа с самых разных планет. От летающих медуз с Посейдона, разум которых совершеннее, чем лучшая компьютерная система, до ингарских богомоллов, насекомых цивилизованных, любящих все прекрасное. И еще тысяча с лишним видов, совершенно непохожих друг на друга. Поэтому, чтобы опознать существо, замершее на вершине скалы, нужно быть хорошо образованным профессионалом.

Узнать его смог бы паук-этнограф с Арахны, специализация которого: “гуманоидные расы”. По сочетанию множества признаков создания, он мог бы уверенно сказать (вернее, прощелкать жвалами), что это *homo puella*, то есть, *человеческая девочка*. Это и в самом деле так.

Она нетерпеливо озирается, находит то, что ищет – взгляд останавливается, темные глаза округляются, ровные брови сходятся к переносице... затем расходятся... Судя по выражению лица, одновременно довольному и удивленному, можно сказать: она увидела то, что искала, и даже больше. Это было маленькое облачко с особо ярким жемчужным отливом.

– Попалась! – сказала девочка.

Тут-то и начинается наша история.

Привычным жестом девочка выхватила из-за пояса тонкую стеклянную дудочку, поднесла ее к губам – и в воздухе пронесся тихий хрустальный звон. Она подула снова, и звон усилился, задрожал, закружился над ней невидимым потоком. В его переливах родился ветер.

Удивленные птицы отлетели подальше. Ведь там, где был слышен хрустальный звук, ветер становился сильнее и как будто оживал. Послушный зову дудочки, он со свистом прыгнул вперед, закрутился возле маленького, жемчужно переливающегося облачка и, развернув его, полетел обратно. Облачко, неторопливо покачиваясь, поплыло за ним.

– Ко мне! – сверкнув глазами, прошептала девочка, на секунду прерываясь и сменяя ритм неслышной мелодии на более плавный. Ветер дул ей в лицо. Она улыбалась.

Облако уже проплывало мимо, и девочка протянула руку к самому краю. Пушистая белая вата обволокла подставленную ладонь, словно здороваясь – а когда ветер отнес облако дальше, в загорелой руке оказалась зажата тоненькая, жемчужно сверкающая нить. Пролетев еще метр, облачко дернулось и остановилось. Нить держала его крепко, не отпуская – теперь жемчужница была у девочки в плену.

А та не мешкала. Сменив дудочку на две деревянные спицы с множеством петель и крючков, прицепила к ним нитку, и начала аккуратно наматывать ее.

Пора представить эту homo ruella. Ее зовут Алиса.

Проще всего описать ее с помощью трех “о”: очень отважная и одинокая.

Ей одиннадцать земных лет и триста шестьдесят четыре дня – сейчас утро триста шестьдесят пятого. Иными словами, сегодня к ночи Алисе должно исполниться двенадцать. Она пришла сюда по заданию воспитательницы Мэй, старшей облачной швеи Авалонского приюта для девочек, и собирается приложить все силы и все умение, чтобы именно сегодня поймать хорошее облако и сплести из жемчужной нити особенно красивую картину.

Несмотря на то, что Алиса командует ветром и умеет пряхть жемчужную нитку из облаков, стоя на вершине скалы в одном из самых красивых мест галактики, на планете Авалон – она вполне обычная девочка, разве что очень смелая. Такая могла бы жить на морском побережье и бегать вместе с мальчишками к обрыву, первой прыгая в воду. Или трудиться в семье фермеров с Деметры, ухаживать за двухголовыми коровами... правда, для фермерской семьи Алиса слишком худая, и одежда у нее потертая, а ведь фермеры люди зажиточные, и не дали бы своей дочке ходить в заштопанных носках.

Алиса слаба в математике, физике, бионике – и всех остальных науках, которые требуют усидчивости и развитой логики. При словах «Что исследует комплексная нанография?» или «В чем отличие кванта вещества от кванта действия?», Алиса неудержимо тупеет и может сказать лишь «Кванты... это такие частицы». Зато она очень сильна в книгах, сериалах и ловле жемчужниц. Как только эти предметы введут в образовательную программу, Алиса станет отличницей хотя бы по ним.

Сама она с сожалением считает себя совершенно заурядным человеком – ну, может, только поумнее некоторых других воспитанниц. И хотя сестра Богемия регулярно наказывает Алису за грех гордыни, надо признать, это правда: девочка действительно не глупа. Но в Содружестве полным-полно детей образованнее ее. Никто не знает, что на самом деле кроется в этой девочке – и сама она, конечно, тоже не знает. Впрочем, почему мы вообще решили, что в ней что-то кроется?

– Ах, черт! – вдруг сказала Алиса, и тут же исправилась. – Прошу прощения, Святая Тереза. Но... Но вы посмотрите на это!! Да-это-же... ВОТ ЧЕРТ!!

“Это”, вместе с остальными эпитетами, относилось к одинокому облачку, которое проплывало неподалеку и, поймав лучи солнца, заиграло лазоревым огнем, словно огромный бриллиант. Алиса в жизни не видела такого яркого сияния, но, как любой собирательнице

облаков, ей было прекрасно известно, *что* это значит. Это нити высовывались наружу, перебиваясь в лучах солнца всеми цветами радуги.

Это было не только красиво до “глаз-не-оторвать”. Важнее было то, что раз жемчужница, живущая внутри облака, разрослась за его пределы, значит центральный стебель гораздо старше и больше обычных. Тот, который Алиса сматывала сейчас, был немногим толще ее волоса – а каков мог быть этот!.. Если вдруг – О, Святая Тереза! – он будет миллиметра полтора в диаметре, Алиса одним махом сделает приют ощутимо богаче. И станет непревзойденной собирательницей всей планеты (лучшей в приюте она была уже давно).

Алиса не знала, может ли вообще нить жемчужницы быть толщиной больше двух миллиметров – но именно сейчас, похоже, ей представилась возможность проверить это. Потому что такого сверкания она не видела даже в хрониках ловцов, демонстрирующих лучших из когда-либо пойманных жемчужниц...

Ветер, как назло, усилился, и начал сносить облачко в сторону от скалы, да еще и слишком высоко.

– Ну нет! – решительно воскликнула Алиса. – Никуда ты от меня не уйдешь!

Расцепив вязальные спицы, она отпустила уже пойманное облачко, и оно медленно поплыло над ватной пеленой тумана. Сверкающая добыча, тем временем поднялась уже метров на пятнадцать, почти покинув расстояние, на котором действовала дудочка – но Алиса, выхватив ее, как ковбой свой верный кольт, набрала в грудь побольше воздуха и принялась так сильно дуть, что через несколько мгновений воздух в легких закончился, голова закружилась, а перед глазами запрыгали разноцветные круги.

Она жутко нервничала. Хрустальный звон словно сорвался с цепи, пробудил спящий холодный ветер и устроил вокруг такое волнение, что проплывающие мимо облачка разлетались прочь, и по инерции неслись во все стороны еще несколько миль.

Ветер бесчинствовал, пытаясь поймать в поток одинокое облако и развернуть его в нужную сторону – но пока неудачно. Алиса не справилась с ним, и два встречных потока ударили по облачку, как пара футболистов по мячу. Закрутившись, теряя клочья тумана, облачко жалобно завертелось, сносимое все выше и выше – единственная польза была в том, что летело оно теперь в Алисину сторону.

Второпях вдохнув несколько раз, Алиса снова поднесла дудочку к губам, задрала голову и попыталась успокоиться.

Облачко ускользало.

“Святая Тереза! – мысленно воскликнула Алиса, взывая к покровительнице сирот. – Прошу вас! Пожалуйста!”

Руки дрожали, дудочка показалась ей слишком мокрой, воздуха в легких не хватало, а ветер не слушался.

Сияющее в солнечных лучах облако уносилось все выше и выше и, похоже, его было уже не достать. Когда оно пролетало над ней, Алиса подпрыгнула, пытаясь поймать рукой – но это был только жест, ибо руке не хватило до облачка... метров семнадцать.

Оно летело, такое красивое и великолепное, такое недостижимое... как и все лучшее, что мелькало в Алисиной жизни – блестит и сверкает, но не достать... Девочка стояла, тяжело дыша. Хрусталь, разбитый на осколки, тихонько осыпался, стихая в тумане под ногами. Даже ее полетная доска не могла подняться выше уровня скал, а потому взлететь за жемчужницей Алиса не могла. Все было кончено.

Внезапно она увидела, как справа, чуть в стороне от нее, и всего лишь метрах в семи наверх, что-то жемчужно блеснуло. Секунду Алиса всматривалась – и разглядела стелющуюся по ветру нить.

Конечно!

Жемчужницы держались в облаках неплотно (за что там было держаться, в самом-то деле). Случалось, что порыв ветра мог вырвать клочок облака, а вместе с ним и одну из тысячи тонюсеньких боковых нитей. Разматываясь на метр, на два или на десять – тут уж как повезет – ниточка летела вслед за облаком, медленно втягиваясь обратно. И, обладая сноровкой, можно было попытаться поймать такое хвостатое облако, ветром за жемчужный хвост.

Алиса уже делала такое, и чаще успешно. Главное было – мгновенно успокоиться. И не терять ни секунды.

Дудочка снова взлетела к губам, хрусталь зазвенел очень тихо и прозрачно, а ветер, нежно прошелестев у нее над головой, сложился в невидимую щепоть.

Раз... Два...

Со второй попытки Алиса ухватила хвостик. Нить натянулась, улетающее облачко дернулось, мотнулось назад. Сохранять поток ветра постоянным даже несколько секунд было очень сложно – правда, как раз это Алиса умела делать лучше остальных, включая многих профессиональных охотников за облаками. За это ее и прозвали «Облачком» и «сестрой ветра».

Продолжая играть, она закрутила вокруг пойманной нити нисходящий воздушный поток, и медленно повлекла облако вниз.

Шесть раз нить выскальзывала из ветра – слишком тонкая, чтобы удержаться больше чем на пару мгновений – но охотница была начеку. Снова и снова ветер взвихрялся, повинувшись хрустальному зову, тербил жемчужный хвост, сматывая его кольцом и подтягивая вниз. Когда облачко оказалось на расстоянии десятка метров, Алиса усилила ветер и захватила в плен уже его.

К тому моменту, хрустальный звон вокруг был уже подобен шуму отдаленного водопада, величественной и торжественной музыке. Нечто невыразимо-широкое и вечное сквозило в ней. Алиса не замечала этого, как не замечала удивленных птиц, тревожно кричащих над ней.

Она только и успевала, что вдыхать, выдыхать, вдыхать и выдыхать, менять тембр и тональность, разворачивать поток, одновременно отпускать и сжимать его. Не слышала ничего, кроме шума в ушах от нехватки воздуха – и не могла понять, что хрустальное звучание, подобно океанскому прибою, охватывает уже десятки метров и продолжает расширяться невидимыми кругами, центром которых была она. Туманное море колыхалось в такт ее дыханию, и ватно-белые волны расходились по нему во все стороны. Алиса не видела этого.

Облачко подтянулось совсем близко. Жемчужный хвостик давно уже вился вокруг и временами щекотал ей лицо, но братья за него рукой было опасно, от человеческой силы боковые отростки почти всегда отрывались. Хватать нужно за стебель.

Облачко поравнялось с лицом, ослепительно переливаясь. Алисины глаза уже вообще ничего не видели, потому что с таким сиянием не справлялись даже адаптирующие к Солнцу контактные линзы, которые она всегда надевала на небесную охоту. Шея, уставшая от напряжения, едва поворачивалась. Плавно, как могла, Алиса выбросила руку вперед – и погрузила ее в мокрую белую вату.

Стебель оказался таким толстым, что не нащупать его в первую же секунду было бы святотатством. Поблуднев, Алиса взяла его двумя пальцами, и потащила на свет. Облако наполнило на ее лицо, и, погрузившись в мокрый туман, она ощутила тысячи тончайших отростков жемчужницы, опутавших ее лицо.

Это было самое нежное и самое щекотное ощущение в Алисиной жизни. Она едва не отбросила облако обеими руками, забыв обо всем – так невыносима была эта щекотка – но сумела взять себя в руки.

– Шшшшш! – очень тихо прошипела девочка сквозь сжатые зубы, и облако, сдутое ее шипением, медленно сползло в сторону. Только так можно было его согнать, не порвав тончайшие нити, и не отбросив слишком далеко. Теперь, и так мокрое от пота, ее лицо было еще

и в облачной влаге. Не обращая внимания, девочка вытащила пару деревянных спиц и... снова зашипела, уже от разочарования.

Спицы, оказывается, не были приспособлены для *таких толстых* стеблей. Все их крючки были меньше размером. Никто не думал, что стебель Авалонской жемчужницы может быть *толще двух миллиметров*.

– Нуууу!.. – прошептала Алиса ошеломленно, все еще боясь спугнуть облачко и жмурясь от сияния жемчужных нитей, колышущихся перед лицом.

Мгновение она не знала, что предпринять. Везти домой нескрученную нить, значило убить ее по дороге. Просто намотать ее на спицы и сунуть в колбу с раствором, было вообще невозможно, не влезла бы она туда, не скрученная по правилам. И, самое главное, извлеченный из облака, стебель погибал на открытом воздухе примерно через двадцать минут.

Алиса, и без того в прямом смысле слова выдохшаяся, теперь молча замерла. Сияние жемчужницы бросало разноцветные блики на ее лицо и плечи, волосы искрились в лазоревом свете. Она стояла, как драгоценная статуя, на вершине укрытой туманом скалы. Ветер усилился.

Внезапно Алиса решила.

– Лин! Включи скейт!

Личный браслет на левой руке девочки ожил, и мелодичный женский голос сообщил:

– Полетная доска активирована.

Из тумана под Алисиными ногами вынырнул воздушный скейтборд, по краям которого гудело силовое поле. Вскочив на него, Алиса торопливо обвязала стебель огромной жемчужницы вокруг правого запястья.

Щелкнув, выдвинулись упоры для ног и тонкий черный руль – Алиса закрепила ступни в упорах и, схватившись за ручки, вывернула руль наверх.

– Направление: дом!

Скейт загудел сильнее, поднимаясь ровно на полметра выше скалы. Алиса почувствовала, как тоненькое силовое поле облегает ее с ног до головы; комбинезон прилип к телу. Она двинула руль вперед, и скейт, ускоряясь, понесся домой.

– Лин, я хочу попросить тебя кое о чем! – крикнула девочка сквозь свист ветра.

– Да? – ответила программа браслета.

– Сними ограничение в скорости.

– Нельзя, – спокойно ответила Лин. – Максимальная скорость детского скейта на Авалоне 60 единиц.

– Это не детский скейт! Это спортивный!

– Водитель ребенок.

– Лин, я считаю, что здесь чрезвычайные обстоятельства.

– В опасности жизнь разумного существа?

– Жемчужницы! Самой большой жемчужницы в мире!

– Справка: Авалонская жемчужница. Класс: растение. Статус: неразумное. Ситуация не признанна чрезвычайной.

– Лин, если она погибнет, это будет *очень* плохо! Для всех! Ты просто не понимаешь...

– Программа личного браслета не имеет полномочий для определения нестандартной чрезвычайности ситуации, – согласилась Лин. – Ты можешь воспользоваться правом приказа. Ответственность за ситуацию переходит на тебя.

– Лин, я приказываю! Сними ограничение в скорости!

– Приказ принят. Ограничение снято. Максимальная скорость 420 единиц. Будь осторожна.

– Да!

Алиса рванула, вдавливая руль до упора – облака замелькали быстрее, быстрее, еще быстрее, свист ветра превратился с рев – он бил по Алисе с такой силой, что, если бы не защитное поле, она бы вылетела со скейта через секунду.

Но, несмотря на защиту, ударная сила ветра отчасти проникала сквозь поле, и резала глаза, а спортивных очков с собой не было – кто мог знать, что они понадобятся.

Скорость еще выросла, и, похоже, достигла максимума. С ветром творилось что-то невероятное. Он жадно и утробно ревел и даже визжал, клубился вокруг скейта, взрезанный и рассеченный силовым полем, и оставался позади него белой бурлящей полосой. Держать руль становилось все труднее, руки болели, как после часа на тренажерах.

Алиса врзалась в группу облачков, на мгновение утонув в тумане, затем прошибла его насквозь. Блистание вырванных с корнем жемчужниц, разлетающихся во все стороны, ослепило ее – по лицу текли слезы, резь в глазах становилась невыносимой – но на этой скорости она должна была успеть домой всего за десять минут.

Скейт внезапно дернулся, упал носом вниз – и перевернулся.

На мгновение Алисе заложило уши, вокруг нее повисла абсолютная, непроницаемая и жуткая тишина. Она парила в пустоте, не понимая, где низ, а где верх, что с ней и куда она летит.

Туман обрушился сверху – она упала в него вниз головой – и все вокруг стало молочно-белым. Как будто саван смерти накрыл ее – Алиса падала вниз, в непроглядное марево, и острые камни неслись ей навстречу.

Сердце зашло от ужаса, она всем корпусом легла на руль, и повела его обратно. Ей вывернуло руки, она вскрикнула от боли, и попыталась выровнять скейт, но он вращался вокруг собственной оси. Скорость резко упала – сработала автоматика. Слух снова вернулся, и ветер насмешливым свистом хлестнул ей по лицу.

– Воздушная яма, – сообщила Лин, – внизу река, сорок пять метров до поверхности. Руль направо. Теперь чуть налево. Ровняй его!

Скейт выровнялся. Несмотря на поле, голова была вся мокрая. Алиса вылетела из тумана, оставляя позади себя настоящую туманную бурю, клочья, разлетающиеся во все стороны – и начала стремительно подниматься выше и выше.

Стук сердца стал тише, гудение поля вернулось от визга, обозначавшего перенапряжение, к нормальному. Алиса, не успев как следует отдышаться, посмотрела на горящие в центре браслета часы. Восемь минут. Уже прошло восемь минут.

Она снова увеличила скорость, тяжело дыша. Это было куда труднее, чем ей казалось. Если бы не стоящая на спортивном скейте автоматика...

До дома оставалось, наверное, минуты две. И тут браслет мелодично запиликал.

– Экстренный вызов, – сообщила Лина. – Сбавить скорость?

– Нет! Включай!

Браслет пискнул, и оттуда раздался неприятный голос старшей воспитательницы Грант.

– Девятнадцать! Где ты?

Алиса сразу пожалела, что не сбавила скорость.

– Я на Тирольской возвышенности, госпожа старшая воспитательница Грант! – немедля ответила она, стараясь перекрыть шум ветра.

– Так! Сейчас же бросай все и возвращайся домой.

– Да, уважаемая старшая воспитательница Грант! – крикнула Алиса, чувствуя, как выступает на висках холодный пот. – Я уже в двух минутах от дома!

– Что? А, отлично. Хм. Что за помехи там у тебя? Ты летишь на доске?

– Да!

– Но почему... почему такой...

В браслете что-то щелкнуло. Это значило, что воспитательница запрашивает данные. И что сейчас она их получит. Алиса побелела.

– Что?! – просипела Грант. – Четыреста двадцать?!

Алиса будто воочию увидела ее округлившиеся глаза и совершенно белое лицо.

– Госпожа Грант! – быстро заговорила она, как можно более твердо. – Я не могу снизить скорость! Я держу в руке самую огромную жемчужную нить, которую вам когда-либо приходилось видеть! Если я не успею прилететь домой через две-три минуты, эта нить погибнет.

– Что?.. Что?.. Какую, святые духи, нить?! Какую, к грешникам, нить!! Снижай сейчас же!!

– Она, кажется, даже больше нити Рика Дартинсона! – выкрикнула Алиса, уже ничего не видя от слез и понимая, что сейчас она снова во что-нибудь врежется или куда-нибудь нырнет. На мгновенье стало ощутимо тише – лишь ветер ревел вокруг, как бешеный.

– Что? – переспросила воспитательница. – Больше, чем нить Дартинсона?.. Такое бывает?

– Я не знаю! Лучше спросить у Мэй. Но я держу ее в руках!

– Хм, – повторила воспитательница Грант. – Лин, приказываю, снизить скорость... до двухсот пятидесяти!

Скорость резко упала почти вдвое. Алиса утёрла слёзы плечом и попыталась больше ни во что не врезаться. Только теперь она заметила, что вокруг не было ни птиц, ни облачков. Безоблачно-чистое небо окрасилось в темные предгрозовые тона. Гроза двигалась с запада. Но ведь утром синоптики ничего такого не предсказывали?..

Браслет мелодично пискнул, говоря о подключении к разговору еще одного человека.

– Алиса! – сказала взволнованная Мэй, старшая швея. – Повтори то, что ты сейчас сказала!

Алиса послушно повторила, думая о том, что через минуту, наверное, она свалится со скейта и умрет.

– Но девочка моя! – воскликнула Мэй потрясенно. – Почему же ты не скрутила ее и не засунула в раствор?!

– Уважаемая воспитательница Мэй! – чеканно и выстрадано ответила Алиса. – Она такая большая, что не помещается в крючки и петли.

Старшая швея что-то хрюкнула – похоже, голос у нее неожиданно и некстати сел. Очевидно, это была *слишком* большая нить.

– Не помещается в петли? – спросила Грант, вмешиваясь в их разговор. – Разве так может быть?.. Алиса, девочка, наверное, ты что-то неправильно сматывала...

Алиса, лучшая из учениц облачной швеи, не стала возражать директрисе, не понимавшей, что охотник такого класса ошибиться с детской задачей – правильно смотать пойманную жемчужницу – никак не мог. Она просто ответила:

– Нет, мэм. Она действительно не скручивается. Я проверяла.

– Алиса! – сипло вернулась в разговор воспитательница Мэй. – Я бегу тебя встречать! Держись! – Браслет пискнул.

– Хм, – сказала мисс Грант задумчиво. – Ты там, действительно, держись, девочка. Но по прибытию СРАЗУ ЖЕ обратись ко мне. На твое имя пришло письмо. Ты поняла?

Секунду Алиса молчала – тело ее слишком болело, глаза слишком мало видели, а разум слишком устал, чтобы сразу понять сказанное. Потом она глубоко вздохнула, и беснующийся ветер, развевающий ее волосы, унес этот вздох в никуда.

Письма ей прийти не могло. Ей могло прийти сообщение от одного из друзей по переписке, ответ на одно из электронных писем звездным капитанам, отосланных в момент острого одиночества. Или куча поздравлений с днем рождения от незнакомых приятелей из гипернета. Все эти вещи были бы в ее компьютере, дожидаясь хозяйки. Но настоящее письмо... пришедшее в адрес приюта на ее имя... Его было некому послать.

– Что? – переспросила она, совершенно ничего не понимая.

– Мы тоже слегка удивлены, девочка. Но на твое имя пришло специальное закрытое письмо из столицы сектора. Так что сразу по прибытию ко мне. Ты поняла?

– Да. Я поняла.

Браслет снова пискнул, и вокруг воцарилась звенящая тишина, пронизанная лишь свистом усилившегося ветра. Алиса, летящая очень быстро, но все же не так стремительно, как раньше, теперь почувствовала, что вокруг стало темнее и холоднее. Солнце скрылось за предгрозовой пеленой, пришедшей с запада и охватившей большую часть неба. Вдали едва слышно громыхало, и искрами вспыхивали редкие молнии.

Жемчужница медленно угасала, став блекло-серой. Алиса посмотрела на нее, и ей вдруг стало очень больно.

– Не умирай, – прошептала она жемчужнице. – Потерпи еще немного. Выдержи.

Жемчужница казалась шерстяной серой нитью, невесомо охватывающей запястье. В ней ничего не осталось от сверкающего великолепия. Облако практически рассеялось, и теперь тысячи тончайших волосков бессильно висели на серебристом комбинеzone Алисы, серые, как паутинки. Только сейчас девочка вспомнила: чем толще стебель жемчужницы и чем больше у нее отростков, тем больше она нуждается во влаге... и тем быстрее иссыхает, оказавшись вне облака.

Алиса почти никогда не плакала, но здесь отчаяние и тоска навалились на нее, как горы. Срывая цветы, человек должен по меньшей мере ставить их в воду, а лучше пересаживать в новое место. Убить жемчужницу было очень, очень плохим и бессердечным делом. Охотники всегда относились к ним бережно.

Жемчужницы чаще всего служили украшением. Сплетенные из них ткани и вышитые ими полотна жили, причем, при должном уходе могли прожить даже больше, чем в естественных условиях – самые удачные экземпляры жили и сейчас, хотя их вышили четыре года назад, когда началась добыча Авалонских жемчужниц. Сколько могла прожить *такая* жемчужница, Алиса и представить не могла.

Теперь она умирала – по неловкости и глупости людей. По *ее* вине. Это было невыносимо.

Алиса одной рукой поднесла ее к губам и дула, дышала на нее, что-то шепча и плача, слезы капали на серый стебель, пропитывая его – она даже не заметила, как скорость снизилась, и очнулась только когда купол и башня приюта пронеслись под ней.

Скейт, ведомый Лин, сделал вираж, заходя на посадку возле оранжереи, Алиса увидела толпящихся девочек во главе с Мэй – маленькие прыгающие фигурки; затем бетонные плиты приблизились, фигурки выросли, и скейт опустил у самого входа.

Алиса плохо соображала, когда ее окружили галдящие подруги, и даже не заметила, как ее вытащили из креплений скейта. Она что-то отвечала на вопросы, сама не понимая, что говорит. Воспитательница Мэй, высокая и сосредоточенная, пробивалась через толпу галдящих девочек, как ходячая башня, держа в руках внушительную колбу с голубоватым раствором.

– Хватит спрашивать! Видите же, она ничего не понимает. Полетайте на четыреста двадцать!.. Ох, девочка моя! – покачала она головой, увидев нить.

Алиса протянула руку, подалась вперед. Глаза ее, до сих пор воспаленные от ветра, почти ничего не видели. Она ощутила аккуратное прикосновение старшей швеи. Чуткие пальцы на своем запястье, на груди.

Руку что-то кольнуло, Алиса поморщилась. Затем вдруг стало очень тяжело. Голоса гудели, нарастая, она качнулась, упала на колени. Вокруг было темно, и она не чувствовала ни рук, ни спины, ни ног – ничего.

Из темноты забрезжил серый свет, и Алиса увидела, как на нее смотрит Небо. Небо хмурилось. Оно зарастало чернотой, и становилось все ниже. Оно клокотало. Алиса вскинула руки,

пытаясь защититься. Но у нее почему-то не было правой руки, просто не существовало – и она не могла остановить падающее небо одной рукой.

Небо стало совсем черным и молча замерло над ней. И каким-то образом, Алиса почувствовала, что небу очень больно.

“Что с тобой?” прошептала она.

“МНЕ БОЛЬНО” сказал Небо. “ЭТО ИЗ-ЗА ТЕБЯ”.

На мгновение стало тихо. Затем Небо лопнуло, разверзлось молниями. И грянул гром.

Алиса вскрикнула и закрыла глаза.

Не просто жемчужница

– Не нужно ей это слышать, точно вам говорю.

Это была коротышка Рин. Она не любила Алису, но любила справедливость. Если она говорила “не нужно”, значит, так оно и было. Но все же ей горячо возразили сразу три девочки:

– Ну конечно!

– Ага!

– Молчи, коротышка!

Последней была Мэри-Энн, подружка Алисы, которая всегда защищала ее.

– Да тише вы. Нельзя ей это слышать. Подумайте сами, что будет, если она узнает!

– Что будет, что будет...

– А что будет?

– Уж ты, Ванесса, со страху бы точно описалась, прости Господи! – в сердцах ответила Рин. – Девчонки, попробуйте быть рассудительными, а не глупыми!

– Бубубу, – ответила Мэри-Энн за всех. Почти никто не любил коротышку, потому что она была самая умная из девочек приюта, самая дотошная и въедливая. И почти всегда оказывалась права.

– Я думаю, – с достоинством сказала оскорбленная Ванесса, – что Алиса очень храбрая. Ты, может, не помнишь, как она дралась с *мальчишкой*. Или как отправилась на *Чердак*. Или...

– Все я помню. Сравнила тоже! Одно дело все эти ваши детские игры и подвиги, а другое – то, что произошло сейчас.

Алисе стало дурно. Она подумала, что жемчужница, должно быть, умерла.

– Но жемчужница-то жива! – возразили сразу два голоса, Мэри-Энн и Ванессы. – А раз она жива, ничего страшного случиться не может!

Тут терпение Рин, похоже, лопнуло.

– Ах, какие вы умные! – взвилась она. – Все-то вы знаете! Действительно, связь между состоянием Алисы и состоянием жемчужницы уже научно обоснована и объяснена, ха-ха! Конечно же, если эта перламутровая паучиха в своей банке живехонька, значит, и с Алиской нашей ничего не будет! А? Что? Какие мутагены? Какие изменения на клеточном уровне? Какой паразитизм?.. Из-за того, что вы не учитесь на занятиях, а рисуете в тетрадках всяких принцев, Алиса, значит, теперь в полной безопасности!.. Глупые!

– Ри, – неуверенно произнесла Ванесса, судя по голосу, сильно испугавшаяся мутагенов с паразитизмами. – Но ведь... сестра Кларисса сказала “вполне приемлимое”!

– Взрослые! – с презрением выплюнула коротышка Рин. – Они хоть раз говорили, что все плохо, когда все плохо?.. Она не хотела пугать остальных. Но вы что же, глухие? Не слышали, *каким голосом* она выдавала диагноз?.. В отличие от мисс Грант или сестры Анастасии, которые со-вер-шенно не понимают в биологии, Кларисса с Мэй очень даже сомневались в том, что говорили. И потому что ни сделать ничего, ни даже разобраться, как следует, в ситуации они *не могут*. Почему, вы думаете?

Девочки ничего не думали. Рин помолчала, и ответила со значением:

– Я думаю, потому что случай *серьезный*. Сестры ведь не ученые, а только воспитательницы. У них для этого случая недостаточная квалификация.

– А я думаю, у тебя просто грех гордыни, – враждебно заметила Менга, третья из Алисиных защитниц, до того почти все время молчавшая. – Как тысячу раз говорила сестра Богемия.

Сестру Богемию, эту блюстительницу порядка, коротышка Рин просто ненавидела; у них была война, и все это знали. Что самое смешное, сестра Богемия отличалась той же яркой страстью к справедливости и такой же дотошностью, что и Рин. Но если честно, в порыве *своей* справедливости она была способна сильно унижить или оскорбить любую из девочек. И почти все из них хотя бы раз в жизни испытали на себе *именно ее* несправедливость. Чаще других, конечно, это доводилось испытывать гордой и принципиальной Рин.

Услышав такой довод, коротышка, видимо, обозлилась и вовсе до чертиков, по крайней мере, она набрала в грудь столько воздуха, что можно было обкричать с его помощью весь приют.

Именно этот момент Алиса выбрала для того, чтобы вмешаться.

– Ох, – сказала она.

– Проснулась! – воскликнули все трое, а Рин сделала длинное “Пшшшшшш”, спуская пар.

– Алиса, ответь, как себя чувствуешь? – подскакивая к ней, потребовала Мэри-Энн. Она была так взволнованна, что веснушки на ее лице почти побелели, а кудряшки вились вокруг круглого личика, словно ожившие и такие же взволнованные.

– Ох, – повторила Алиса, потому что обнаружила, что не способна ничего больше сказать. Ей было непривычно легко, но вместе с тем не очень хорошо.

– “Ох”? – строго переспросила Рин, присаживаясь на стул и внимательно рассматривая больную. – А сколько будет логарифмический корень из евклидова квадрата?..

Остальные девочки потрясенно замолчали.

– Нисколько, – тихо ответила Алиса. – Таких корней не бывает.

– Ну, – вздохнув и сложив руки на коленях, сказал Рин, – вроде нормальная.

Алиса не казалась себе нормальной. Она никогда не чувствовала такой слабости. У нее уже сейчас кружилась голова, а встать она уж точно не могла.

– Ну и что со мной произошло такого? – спросила она у Мэри-Энн.

– Такого?.. – замялась Мэри, зыркнув на Рин.

– Девочки, я все слышала, – призналась Алиса. – Так что давайте рассказывайте все как есть. Обещаю не бояться.

Лицо Мэри-Энн было таким жалостливым, что все остальные невольно заулыбались.

– Не тяните, – попросила Алиса, снова очень тихо. Обычно ее голос звучал по-другому: гораздо жизнерадостнее. Улыбки как ветром сдуло. Все смотрели на Рин.

– Ну, – вздохнув, произнесла та. – Надо сказать, ты вляпалась во что-то серьезное. Мы точно не знаем, потому что сестры все скрывают, как обычно. Но Менга... *совершенно случайно* проходила мимо совещательной комнаты со включенной записью... Давай включай, чего стоишь.

– Включить запись семнадцать, – слегка охрипшим голосом приказала Менга. Ее браслет пискнул.

– ...Нет, состояние у нее вполне приемлемое, – приглушенно (как и полагается, когда кто-то на пределе чувствительности браслета записывает разговор из-за двери), сказала сестра Кларисса. – Хотя и не норма. Мне непонятно, из-за чего она так ослабла. Полетом это не объяснишь. Вот, видите... все показатели ниже нормы, в среднем на двадцать процентов. А здесь?.. Не может сердцебиение так замедлиться даже от нервного шока, чтобы вы мне не говорили. К

тому же, номер девятнадцать вполне решительная и стойкая девочка, вы знаете. Не могла она впасть в истерию по поводу гибнущего цветка, даже учитывая ее честолюбие.

– Что же с ней происходит? – спросила директриса Грант слегка деревянным голосом.

– По симптомам – у нее кома. Но высокая мозговая активность не соответствует состоянию комы. Она просто спит, и ей снятся сны. Я с таким никогда не встречалась. И не могу сказать, что является этому причиной.

– Все в руках Провидения, – своим хорошо поставленным голосом произнесла сестра Вернита, – но я хотела бы знать, что уготовано этой девочке и, из-за нее, всем нам.

– Я бы не торопилась на вашем месте ставить произошедшее в вину девятнадцатой, – холодно заметила сестра Богемия, искательница справедливости. – Мы пока не знаем достаточно, чтобы об этом судить.

– Хорошо, – Грант выразительно кашлянула. – Кларисса, скажите мне, как медик, каковы *ближайшие возможные* причины. Почему *в принципе* так могло произойти?

– У меня есть версия. Но прежде я просила бы Мэй еще раз пересказать, как все было. Мэй?

– Да, конечно... Алиса попросила меня отпустить ее на внеплановую поездку к Тирольской возвышенности. Она считала, что сегодня ей повезет, и хотела к вечеру сплести особенный рисунок, который задумала уже давно. Я, конечно, отпустила девочку – это моя лучшая ученица, вы знаете, единственная из сертифицированных охотниц в приюте. И она уже неоднократно вылетала на охоту одна, вполне самостоятельно. Примерно к восьми двадцати утра мы с миссис Грант узнали, что Алиса мчится сюда на предельной скорости в четыреста двадцать и, конечно, очень взволновались. Однако у нее была причина для такой спешки... самая большая жемчужница, которая когда-либо была зафиксирована человечеством. Оставшись без облачной влаги и без специального раствора, она умирала, и потому Алиса торопилась домой.

– По дороге, кстати, она трижды не справилась с управлением, один раз это чуть не привело к аварии, спасла автоматика, – вставила Ирина Полякова, старший техник приюта. – Может, это стало причиной шока?

– Давайте дослушаем, – возразила Грант, не дав Клариссе ответить.

– Да... – продолжила Мэй. – Так вот, когда она прилетела, жемчужница была почти мертва, но я заметила странную особенность – стебель слегка пульсировал. Это нормально, когда растение в облаке перекачивает соки из отростков в стебель, чтобы подольше продержаться в экстренных ситуациях. Однако открытый воздух быстро замедляет жемчужницу и вводит ее в состояние полу-комы – и тогда подобные реакции невозможны. Конечно, может быть, такая большая жемчужница дольше сопротивляется сухой воздушной среде, но тогда стебель был бы живым – а не полумертвым, как все остальное растение. В общем, это довольно странный симптом.

– Вы можете его объяснить?

– Да... И это как раз соответствует гипотезе Клариссы.

Все воспитательницы, очевидно, затаили дыхание. Как и девочки, впрочем.

– Мэй, – попросила Кларисса, – Расскажите, как все было, когда вы сняли жемчужницу.

– Ах, да. Ну, сама Алиса *очень* ослабла, что, как говорит доктор Кларисса, не соответствует обстоятельствам, даже не смотря на шок от происходящего. Жемчужницу она обвязала вокруг запястья, а отростки и само ядро были прижаты силовым полем к груди. Я аккуратно развязала стебель и сразу окунула его в раствор. Я была сосредоточена на жемчужнице, и пропустила момент, когда Алиса упала. Но, девочки говорят, после того, как я сняла жемчужницу, Алиса широко раскрыла глаза, секунду постояла с пустым взглядом, затем сильно покраснела и упала.

– То есть, – тихо уточнила Кларисса, – когда на ней была жемчужница, Алиса была очень бледной, да? А когда вы ее сняли – она резко покраснела.

– Да.

Сразу несколько сестер резко втянули воздух, осознав, какова гипотеза доктора Клариссы. Алисе показалось, что она не чувствует правой руки. Она вспомнила свой сон, но боялась посмотреть на запястье.

– Скажите еще только одно. Когда вы снимали жемчужницу. Было ли какое-нибудь... затруднение?

Воцарилось гробовое молчание.

– Ну, – неуверенно ответила Мэй, – я не могу сказать точно. Мне показалось, что когда я снимала, было некоторое *сопротивление*. Но может, это теперь мне так кажется. Тогда я не осознала.

– Что ж, спасибо, сестра Мэй, – удовлетворенно подытожила Кларисса. – Итак, у кого есть вопросы или соображения?

– Чего тут соображать, – тихо, но совершенно спокойно сказала Богемия. – Вы считаете, что растение подсоединило себя к девочке и, умирая, выкачивало из нее кровь, чтобы выжить. Теперь, соответственно, непонятное состояние ребенка соответствует полу-коме растения. Я плохо разбираюсь в ботанике, но разве у жемчужниц вообще зафиксированы подобные свойства? Это же высокоразвитый паразитизм!

– Что ж, – кашлянув, вместо Мэй ответила доктор Кларисса. – На этот вопрос мы ответить не можем. С одной стороны, ничего подобного у жемчужниц не зарегистрировано. С другой стороны, насколько мне известно, они вообще не очень хорошо изучены. Добыча жемчужниц началась всего четыре года назад, до того о них вообще ничего не знали. Исследования авалонской жемчужницы проводятся на Гаскаре, в Центре биологии сектора, но, насколько мне известно, нет никаких причин, чтобы эти исследования были форсированы и вообще велись тщательнее обычного... В общем, я уже послала подробный отчет профессору Тамнику, сегодня ближе к вечеру он должен выйти на связь.

– То есть, – звучным голосом воскликнула сестра Вернита, – говоря откровенно, наши воспитанницы три с половиной года занимаются плетением и ловлей облачной нити, а до сих пор окончательно не установлена ее безопасность?!

– Не сгущайте краски, пожалуйста, – возразила Кларисса. – Все эксперименты показали, что жемчужница безопасна. Просто именно *эта* выходит за рамки известного. Она *слишком* большая. Мэй, вы что-то хотите сказать?

– Дело не просто в ее размерах. По нашим данным, средняя жемчужница живет два года. И наиболее крупные экземпляры достигают толщины 1,6 миллиметра. Есть, конечно, уникамы. Например, жемчужница Даргинсона достигла 1,92. Но это была самая большая из известных до сегодняшнего дня... А диаметр этой нити превышает два с половиной миллиметра.

– То есть, – каменно подытожила миссис Грант, – мы имеем дело с мутацией?

– Нет, я так не думаю, – возразила Мэй. – Я исследовала клетки жемчужницы, и нахожу их точно такими же, что и у обыкновенных. Теоретически, способность всасывать влагу сквозь человеческую кожу доступна каждой жемчужнице – они же вообще существуют за счет межклеточного обмена. Но, судя по всему, эта жемчужница – следующий этап развития знакомых нам. Редкая – или, быть может, единственная, выросшая в следующую стадию.

– Хммм. Все это нуждается в профессиональном заключении, – недовольно заметила Богемия. – Без него мы будем толочь воду в ступе, и никак не сможем помочь девочке.

– Хорошо, – согласилась Грант, – а что вы, Мэй, и вы, Кларисса предлагаете в отношении... девятнадцатой?

– Судя по всему, – ответила Кларисса, – жемчужница действительно несколько минут паразитировала на девочке. Алиса слишком неоправданно ослабла, если брать другую теорию. Это подтверждает и результат анализов – у нее не хватает многих витаминов и микроэлементов, хотя при последнем обследовании все было в норме. В общем, у нее сильное истощение.

– Хорошо, Кларисса. Вы только что обследовали девочку повторно. Я правильно догадываюсь, что обследована была ее рука, к которой, как вы полагаете, подсоединялось растение?

– Да, верно. Я пыталась найти следы. Я их нашла.

Сестры зашевелились, переминаясь, пересаживаясь, переговариваясь между собой. Браслет Менги не улавливал тихих реплик, и так записывая на пределе чувствительности, через закрытую дверь.

– Слабое покраснение и воспаление кожи запястья. Некоторое обезвоживание тканей руки. Медицинская система ввела тонизирующие препараты, но последовавший переизбыток влаги вызвал легкую опухоль. Правда, сейчас она уже спала.

– Хм, все это понятно. А более серьезные изменения?

– Видите ли, – Кларисса замылась. – Никаких токсинов система не обнаружила. Никаких активных веществ, перешедших от жемчужницы к девочке, тоже. Но наша система довольно простая. У нас не больница, в конце концов. И нет техники, необходимой для подобных исследований. Я взяла клеточные образцы на анализ, отсканировала их, и отправила их сканы вместе с результатами анализов в Авалонский медицинский центр. Я попросила их заняться этим срочно, на случай... если вдруг были введены мутагены, и возможны какие-то... клеточные изменения.

Алиса почувствовала, как горит все лицо.

“Ну я сейчас и красная, наверное” – подумала она.

– Кошмар, – с чувством заметила Вернита.

– Но я хочу вас уверить, – возразила Кларисса, не давая ей договорить, – что по большому счету все в норме, и девочка скоро очнется. Вечером мы получим результаты исследования...

Тут браслет щелкнул, и разговор прекратился.

– У меня настройка на размер записи, – виновато сказала Менга, – Вот. Ну а сама я через дверь ничего не слышала. Я тут же побежала за Мэри-Энн.

– Самое главное мы услышали, – резюмировала Рин. – Ну, Алиса, что ты обо всем этом думаешь?

Алиса молча подняла правую руку и рассмотрела свое запястье. Никаких следов покраснения или опухоли она не нашла.

– Сколько сейчас времени?

– Почти шесть вечера. Ты спала с пол девятого.

– Как ты себя чувствуешь-то? – настойчиво повторила Мэри-Энн.

– И вправду никаких сил нет, – ответила Алиса негромко, сосредоточенно растирая запястье и продолжая пылать от ярости.

– Чего ты злишься? – испуганно и с жалостью спросила Мэри-Энн, робко погладив Алису по волосам.

– Пшшшш, – сказала Алиса, никак не в силах отпустить свое запястье. Всё боялась увидеть там проступающие черные пятна.

– Ясное дело, – буркнула Менга. – Я бы тоже злилась. Спасла эту штуку, а она...

– Да что она? – возразила Рин. – Ты так уверена, что она что-то сделала Алисе?

– Она мне ничего не сделала, – мрачно сказала Алиса. – Это я ей сделала. Я ее чуть не убила!

– Как это? – спросила удивленная Ванесса, и глаза у нее стали как плоски.

– Она какая-то особенная! Я видела много жемчужниц, вы же знаете, – ответила Алиса, мучительно раздумывая. – Я сразу не поняла, но теперь точно знаю – она не обычная.

– И что это значит? – озадаченно спросили все трое разом.

– Не знаю, – почти прошептала Алиса, – не знаю.

– Ты очнулась! – сказал звонкий голос за их спинами. Доктор Кларисса в своем неизменно-белом халате подошла к кровати и внимательно осмотрела Алису. Девочки переводили взгляд с одной на другую, как будто пытаясь по их лицам прочесть немую беседу доктора с пациентом.

– Ну, как ты себя чувствуешь?

– Я спать не хочу, а встать не могу, – мрачно ответила Алиса. – В общем, все как вы и сказали.

– Я сказала? – слегка удивилась Кларисса, проверяя показатели монитора, установленного рядом с кроватью и следящего за Алисиным состоянием. Глаза девочек округлились.

– Доктор Кларисса, – ровно ответила девятнадцатая. – Объясните мне, пожалуйста, что происходит.

– Хм. Что ж, – пробормотала та, удостоверившись, что с показателями все в порядке. – Вроде бы, ничего и не происходит.

– А по-настоящему? – взгляд Девятнадцатой был очень твердым.

Доктор Кларисса поглядела не Алисиных подружек, поморщилась, затем вздохнула и опустилась на кровать.

– Я не могу дать ответ на этот вопрос. Может, что-то и происходит помимо того, что мы видим... Успокойтесь, девочки. Вероятность этого очень мала... Минут через десять, – добавила она, – состоится сеанс связи с институтом биологии и генетики Гаскара. Мы будем разговаривать с руководителем исследовательского центра, профессором Тамником. Если ты хорошо себя чувствуешь, можешь присутствовать. Профессор задаст тебе несколько вопросов.

– Я просто отлично себя чувствую! – быстро сказала Алиса.

– Что ж... давай руку. Нет, не ту. Левую.

Алиса почувствовала, как в запястье ей ткнулась гибкая “рука” медицинской установки. Чуть-чуть кольнуло.

– Это придаст тебе сил, – прокомментировала Кларисса, коснувшись Алисиного плеча. – Минут через пять вставай, одевайся и в кабинет директора.

– Ну ты даешь, Алиса, – слегка обиженно протянула Менга, когда они остались одни. – А если б она спросила, откуда ты знаешь?

– Я бы ей ничего не сказала. Но ты же знаешь, Кларисса нормальная. Не стала бы она выяснять. Слушай, Мен! Спасибо тебе большое, правда! Ты молодец!

– Ладно... Так как, черт побери – о, простите, Святые Сестры! – ты себя чувствуешь?

– Ну... Вроде бы лучше.

В ушах немного шумело, да и в глазах все слегка двоилось; везде чувствовалось тепло. Препарат, который вкололи Алисе, взбудоражил ее от макушки до пяток, и даже нос горел, как от глотка церковного вина на одиннадцатилетние.

Зато слабость почти прошла, и когда Алиса встала, лишь немного закружилась голова.

– Ну, я пойду, – сказала она, сменяя пижаму на джинсы и свитер.

– Как закончишь, сразу давай в столовую, – наказала ей Рин. – Будем тебя там ждать.

Дверь в кабинет мисс Грант была приоткрыта.

– Входи, Алиса, быстрее, – сказала директриса. – Мы уже начинаем.

Голографический экран, размещенный на стене, где обычно располагалась карта двенадцатого сектора, сейчас был заполнен помехами. Ирина Полякова стояла перед ним и занималась настройкой. Помимо них, в кабинете директора собрались Мэй, Кларисса, сестры Богемия, Вернита – и девушка из самых старших, Слепая Анна.

Анна вовсе не была слепой по-настоящему. Но не была и просто тихой и потерянной девушкой. Все воспитанницы знали про нее две вещи: что она умалишенная, и что иногда через нее говорит Большая Верад.

– Готово, – объявила Ирина, как только возникшая картинка (символ Гаскарского исследовательского центра и приветственный текст) устроила ее. – До начала сеанса минута... десять секунд.

– Садись, девочка, – кивнула Алисе мисс Грант. Мэй обняла ее за плечо, как будто защищая непонятно от чего.

– Это Большая Верад? – тихонько спросила Алиса у воспитательницы, кивнув в сторону Слепой.

– Да. Ее присутствие необходимо.

При этих словах Анна повернулась и отсутствующим взглядом посмотрела на Алису. Ее блеклые серые глаза потемнели.

Ну все, подумала Алиса. Ее прошиб холодок. Если на встречу пришла Отшельница, обычно спящая в глубине своих пещер, под горной грядой Тиролли, дело действительно серьезное.

Большая Верад родилась на далекой планете Таглиан, покрытой болотами, и прилетела на Авалон лет десять назад. Причин ее прилета не знает никто: она просто прилетела и поселилась здесь, в пещерах. Верад не человек, а огромная шестиногая ящерица, двенадцати метров длиной.

Многие обитатели планеты Таглиан обладают зачатками телепатии и других чудесных для людей свойств – но Большая Верад слывет одной из самых сильных провидиц известной части Галактики. Со всех концов Содружества к ней дважды в год прилетают паломники. Пророчица практически не покидает своих пещер, принимая паломников прямо там – и являлась одной из главных Авалонских достопримечательностей.

Самостоятельно прийти на совет к директору приюта она, конечно, не могла – входная дверь была для нее слишком мала, как и остальные помещения приюта, кроме разве что бассейна и спортзала. Но в экстренных случаях Большая Верад могла вселиться в сознание любого человека и на время стать им – слышать его ушами, видеть его глазами, говорить с помощью его рта.

Немало раз на памяти Алисы, Верад вселялась в ту или иную воспитательницу и проводила девочкам урок по природоведению или нестандартным дисциплинам вроде «основы телепатии». Чаще всего она путешествовала по поверхности в теле Слепой Анны. Умалишенная по сути не жила, а практически всегда спала на ходу, не чувствовала и не помнила визитов Большой Верад. Поэтому Кларисса и Грани не были против.

– Нам нужен ее совет, сама понимаешь, – сказала Мэй. – Тем более... тут вскрылось еще одно обстоятельство.

Какое именно, Алиса так и не успела спросить. Заставка на экране сменилась большущим бородатым мужчиной лет пятидесяти.

– Ага, – сказал он басом, – вроде работает.

– Профессор Тамник, приветствуем вас. Мое имя Летиция Грант, я директор Авалонского приюта для девочек имени Святых Терезы и Дианы.

– Приятно познакомиться, – кивнул бородатый. Он выглядел очень деловито и жизнерадостно, Алиса разом почувствовала себя лучше. – Зовите меня просто Джордж. Кто здесь доктор Кларисса?

– Я. Вы получили все материалы?

– Да, все уже просмотрел. Крайне интересный случай! Скажите, где сейчас девочка?

Алиса открыла рот, но вовремя спохватилась и посмотрела на директрису. Та кивнула.

– Я здесь, – ответила она, поднимая руку.

– Ага, – профессор внимательно ее оглядел. – Ну и как вы себя чувствуете?

К Алисе едва ли не в первый раз в жизни обратились на «Вы».

– Нормально, – ответила она, не зная, что еще добавить.

– Вот данные последнего сканирования, – сказала Кларисса, показывая распечатку с какой-то цветной диаграммой. – Как видите, ничего, в сущности, не изменилось...

– Джордж, что вы можете сказать обо всем этом? – спросила мисс Грант, не желая терять времени (межзвездные передачи стоили весьма недешево). – Мы не понимаем, что произошло, но должны узнать, грозит ли нашей воспитаннице какая-либо опасность.

– Да, – кивнул профессор. – Но мне нужны сами образцы клеток, а не их сканы. По сканам можно кое-что сказать, но по ним не провести анализов, вы же понимаете... Для начала, скажите мне, как жемчужница.

– Она отчасти отошла, но и сейчас еще не в норме, – ответила Мэй, вставая и подкатывая к середине комнаты передвижной столик. Круглый аквариум посреди столика слегка сиял и едва заметно переливался всеми цветами радуги – там, в голубоватом растворе, плавала самая большая из известных человечеству жемчужниц. Но выглядела она слабой и увядшей – совсем не такой величественной и великолепной, как в небе. Алисе стало ужасно горько от этого.

– Я боюсь, полностью восстановиться она уже никогда не сможет, – продолжала Мэй. – Возможно, пребывание без влаги... эээ... необратимо ослабило ее.

Алиса закрыла глаза, чувствуя огромную, обесиливающую усталость.

– Надо же, – выдохнул Тамник, – она огромная!

– Да уж, – пробормотала сестра Богемия и, повысив голос, добавила. – Так скажите, профессор. По-вашему, что с ней и с девочкой произошло?

– Я думаю, выводы доктора Клариссы верные. Действительно, произошел краткий симбиоз жемчужницы с человеком, по воле жемчужницы. Я сопоставил данные об изменениях тонуса девочки из ее личного браслета, с данными об изменениях в клетках жемчужницы, которые можно установить по сканам – все они цикличны, и все совпадают. Ухудшение состояния обеих могло привести к коме и даже к смерти. Тем не менее, судя по всему, жемчужница продержалась именно благодаря этой подпитке.

– Бог мой, какой кошмар, – настойчиво произнесла сестра Вернита. – Этот растительный вампир пил кровь нашей воспитанницы, а мы даже не знали, что такое возможно!

– Вы преувеличиваете, уважаемая, – кашлянув, возразил Тамник. – Кровью она, разумеется, не питалась. Ей нужна была межклеточная жидкость, и она выкачивала ее из тканей руки. Это само по себе ничуть не лучше, чем пить кровь, в данном случае, даже хуже для организма, и ткани руки в результате были порядком обезвожены. Однако, просмотрев все данные, я уверен в одном очень важном моменте: если бы она захотела, жемчужница могла бы вытянуть из девочки *куда больше* жидкости.

И директриса, и даже Богемия, да и все остальные при этом чуть не ахнули. Алиса почувствовала, как запястье снова немеет; ей стало неуютно и страшно, захотелось покрепче зажмуриться.

– Обратите внимание, Мэй, жемчужница, по вашим словам, была совершенно обессилена, вся серая, провисшая и не подающая признаков жизни кроме пульсации стебля.

– Да, профессор...

– Так вот, ей ничто не мешало поддерживать себя в обычном состоянии, уверяю вас. Потреблять из тела девочки столько жидкости и микроэлементов, сколько ей было нужно – они ведь перерабатывают жидкость в энергию, и... – тут он зыркнул на Алису и, наверное, решил, что в ее присутствии не все можно говорить. – Однако она каким-то образом сумела сориентироваться, оценить ситуацию, и взять именно столько, чтобы едва-едва выжить самой. И чтобы повредить ребенку как можно менее.

Половина присутствующих все же ахнуло. У Алисы как-то сам по себе раскрылся рот.

– Не стоит думать, что это признак разума, – сказал Тамник, в волнении потеревив свою внушительную бородину. – Я понимаю, это первое, что приходит в голову... Однако, по нашим исследованиям, жемчужницы проделывают подобные вещи с птицами, с жителями тумана и даже с другими растениями. Мы еще не изучили полный жизненный цикл жемчужниц, но экспедиция, проведенная четыре года назад, дала очень много материала, который постепенно осваивается. И примерный жизненный цикл жемчужниц нам уже сейчас ясен. Мы только не думали, что взрослые жемчужницы, достигшие второй стадии, могут летать в облачках. Они уже слишком тяжелые для этого! Их жизнь должна протекать внизу – под покровом вечного тумана, на некоторых деревьях, в симбиозе с которыми они и должны жить.

– Но... Но... тогда почему же мы ничего не знали обо всем этом? Что есть и взрослые жемчужницы... – спросила Мэй.

Откровенно говоря, Алиса сама могла бы ответить на этот вопрос. По собственной вине. Исследования жемчужниц совершенно не относились к вопросам первостепенной важности, и проводились себе потихоньку параллельно с другими проектами исследовательского биоцентра на планете Гаскар. На самом Авалоне ими вообще никто не занимался, кроме профессиональных ловцов, жителей аграрного сектора и нескольких учениц Мэй, которым официально разрешили таким образом зарабатывать деньги для приюта – ведь субсидий на все не хватало.

Поэтому, виной тому, что Мэй и ее ученицы ничего не знали об эволюции жемчужниц, была их собственная глупость. Ведь в любой момент могли послать запрос в гиперсеть Содружества, и получить оттуда все имеющиеся данные.

Конечно, Тамник, как человек воспитанный и вежливый, должен был ответить по-другому. Но когда он ответил, у Алисы зашевелились волосы на голове.

– Дело в том, – сказал профессор, глядя куда-то в потолок, – что изучение жемчужниц входит в строку военных исследований, и потому, в общем-то, отчасти засекречено.

Госпожа Грант приоткрыла рот. Мэй застыла с разведенными руками. Кларисса слегка побледнела. Богемия, наоборот, покраснела, что предвещало скорую и разрушительную атаку на провинившихся.

Но этой атаке не суждено было состояться именно сейчас. Потому что...

– Майор Гельбессер получит выговор, а его секретарь Дафна будет уволена, – тихо произнесла Слепая Анна, – завтра, в тринадцать двадцать две.

– А? – спросил Тамник, который еще не понял, что происходит.

– Позвольте представить: Большая Верад, – тихо произнесла директриса, побелевшими руками сжимая скрепку для бумаг. – Известная так же как Авалонская Провидица.

Профессор Тамник быстро справился с удивлением. Он наверняка был в курсе возможностей таглианских ящериц, и сообразил, *кто* разговаривает с ним через приютскую девочку.

– Честь для меня, леди, – энергично кивнул он. – А вообще-то, майор Гельбессер это наш куратор. И действительно, ответственность за то, что к вам не поступило соответствующих предупреждений, падет, пожалуй, именно на него.

– Верад, – произнесла мисс Грант, обретя, наконец, дар речи, – Если это военная разработка... значит, с жемчужницами *что-то не так*... Чем же все это чревато?..

Все замолчали.

– Я вижу одно темное пятно, – ответила Провидица. – Но очень большое. Разрастающееся. Оно связано с жемчужницей. Но центром его является вовсе не девочка. Центр его находится в девятнадцати милях к западу от нас... И приближается.

– Господи Всевышний, – заметила Богемия, все еще красная. – Что же это?

– Это Буря, – отдельно ответила Алиса в наступившей тишине. – Плач Неба.

– Что? – спросили одновременно профессор, Кларисса и Мэй.

– Небо разгневалось, – сказала Алиса, переводя взгляд на слабо светящуюся жемчужницу. – Мы чуть не убили ее. И Небо собирается нас наказать.

С богоугодной сестрой Вернитой сейчас случится истерика, подумала Алиса, говоря все это. Но только теперь она удивительно четко поняла, что все это время Небо неотступно следило за ними. И что все это время Ему было больно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.